

Конкурс фантастики
КВАЗАР

ИЗБРАННЫЕ

Фантастика
в стиле

ПАНК!

лучшие рассказы конкурса
«Панк»

Коллектив авторов
Избранные. Фантастика
в стиле Punk!
Серия «Конкурс Квazar»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42308901
ISBN 9785449662613

Аннотация

Добро пожаловать в таинственный мир панка! Мир, в котором можно выгодно продать собственный глаз или пришить себе недостающую часть тела. Мир, где вполне реально покататься на настоящем шагоходе, увидеть великие стройки альтернативного будущего. А также: летающие города, войны магии и технологий, заточение души внутри уродливой машины, механические тайны древней Руси, солдат, напичканных биоимплантами и многое другое – всё это панк, который не знает границ для фантазии!

Содержание

Punk's not dead!	7
Киберпанк	9
Посткиберпанк	10
Стимпанк	11
Ститчпанк	12
Манапанк	13
Биопанк	15
Советпанк	16
Клокпанк	17
Благодарности	18
Стежки	19
Запах мечты	36
Бюджетное долголетие	71
Весёлого Рождества, доктор Дулитл!	85
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Избранные Фантастика в стиле Punk!

Дизайнер обложки Алексей Жарков

Иллюстратор Маргарита Автухова

Иллюстратор София Протосовицкая

Иллюстратор Валерия Радионова

Редактор Алексей Жарков

Составитель Алексей Жарков

© Алексей Жарков, дизайн обложки, 2019

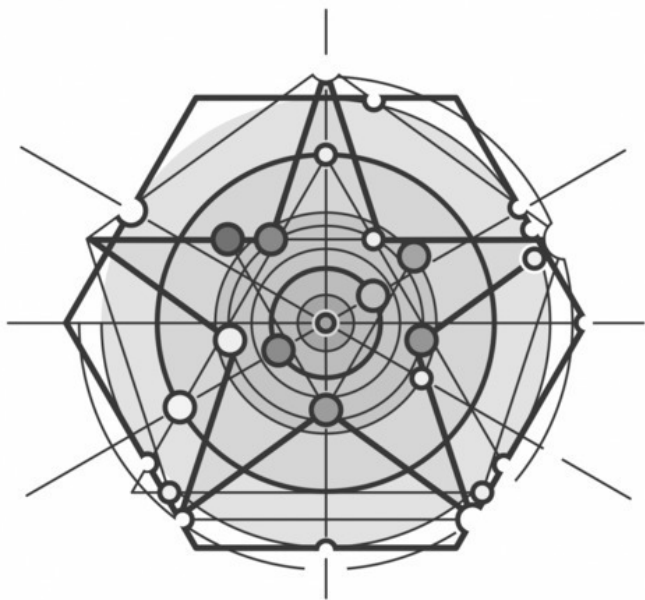
© Маргарита Автухова, иллюстрации, 2019

© София Протосовицкая, иллюстрации, 2019

© Валерия Радионова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-6261-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КВАЗАР

конкурс фантастики

Punk's not dead!

или Панки этого сборника.

Добро пожаловать в миры литературного Панка.

Для начала давайте разберёмся, что такое Панк в литературе и что значит приставка -панк. В переводе с разговорного английского «панк» – это нечто дрянное и нехорошее, однако, когда мы говорим о художественных жанрах, это определение теряет эти строгие рамки «какой-то гадости» и говорит не только об антиутопичности определяемого стоящим перед «панком» слова, но и об избыточности этого слова в определяемом им мире Проще говоря, «панк» становится неприятной (или приятной) избыточностью какой-то основополагающей черты фантастического мира. Например, если прилепить слово панк к слову сандалия (элемент обуви, широко распространённый в античном мире), мы получим «сандалпанк» – *мир на технологиях античности бронзового и железного веков, в котором могут фигурировать исторические или мифические изобретатели (Архимед, Герон Александрийский, Гефест, Дедал), а также аппараты и механизмы той эпохи.* Или так, приставив «панк» к английскому слову «камень» (stone – [стоун]), мы получим «стоунпанк», *который описывает мир каменного века, где герои живут в период неолитической революции и соору-*

жают функциональные изобретения из пригодных для своего времени материалов. Известный всем сериал «Флинстоуны» – это именно «стоунпанк», и в нём мало антиутопичности, гадости, мерзости и упадка, всё как раз наоборот. Так что, в конечном счете и как всегда, всё зависит от автора. Будет нарисованный им мир страшным или добрым, беспощадным или жизнеутверждающим, обличающим или воспевающим. Но каким бы он не был, он точно будет отличным от настоящего, интересным и загадочным, удивительным.

За что мы и любим фантастику, каким бы панком она не была.

Теперь, когда вы знакомы с Общей Теорией Панков (ОТП), проследуйте, пожалуйста далее, к разделу Специальной Теории Панков (СТП). А именно к описанию тех её разделов, представители которых победили в Большой Битве Панков (ББП) на Квазаре, и на правах лучших рассказов конкурса вошли в этот сборник.

Киберпанк

Киберпанк – жанр научной фантастики, отражающий упадок человеческой культуры на фоне технологического прогресса в компьютерную эпоху.

Обычно произведения, относимые к жанру «киберпанк», описывают антиутопический мир будущего, в котором высокое технологическое развитие, такое как информационные технологии и кибернетика, сочетается с глубоким упадком или радикальными переменами в социальном устройстве. Жанр близок к антиутопии. В настоящее время является одним из наиболее распространённых среди всех «панков».

Реализаций киберпанка в искусстве неизлечимо много, но самым ярким и, можно сказать, классическим, можно считать фильм «Тринадцатый этаж» (1999). Наиболее современной и безумно красивой – «Бегущий по лезвию 2049» (2017).

В нашем сборнике киберпанк устанавливают в разум читателя рассказы «**Бюджетное долголетие**» (Сергей Коннов), «**Психопанк**» (Михаил Рощин) и «**Питомцы**» (Татьяна Ильюшина).

Посткиберпанк

Посткиберпанк – жанр научной фантастики, развившийся из киберпанка, который, как и предшественник, описывает техническое развитие общества ближайшего будущего и происходящие при этом процессы (всеобщее проникновение информационных технологий, генной и молекулярной инженерии, технологий модификации человеческого тела и другое). Однако, в отличие от киберпанка менее мрачен, изобилует политической и социальной сатирой, нередко высмеивает каноны самого киберпанка.

Проще говоря, посткиберпанк намного позитивней и изобретательней своего базового класса. Технологии шагнули вперёд, и бушующее вихрем воображение фантастов рванулось на обгон.

Самым известным фильмом в этом стиле является великолепный боевик по произведениям Айзека Азимова «Я, робот» с неповторимым Уиллом Смитом в роли копа.

В нашем сборнике посткиберпанк выполняется в защищенном режиме рассказом «**Дневник**» (Дарья Странник).

Стимпанк

Стимпанк или паропанк (от английского steam – «пар») – направление научной фантастики, включающее технологию и декоративно-прикладное искусство, вдохновлённое паровой энергией XIX века.

По причине поистине фантастической зрелищности, замешанной на романтизме удивительных, невероятных, в каком-то смысле невозможных механизмов, это направление широко представлено в кино. Последним ярчайшим воплощением жанра явилась кинокартина «Хроники хищных городов» (2018), где стимпанк изображен с невиданным прежде размахом и красотой. А еще фильмами «Дикий, дикий запад» (1999), «Лига выдающихся джентльменов», мультипликационными картинами «Ходячий замок» легендарного Хаяо Миядзаки, «Изгнанник», «Атлантида: затерянный мир» и многими, многими другими.

В нашем сборнике поддают стимпанка рассказы «**Кукла**» (Наталья Солнечная) и «**Весёлого Рождества, доктор Дулитл!**» (Елена Черепнина).

СТИТЧПАНК

От английского «stitch» – «швейный стежок – направление научной фантастики. Производное от киберпанка и стимпанка, рассматривающее альтернативный вариант развития человечества или материальных следов его обитания, в постапокалиптическом мире, основными жителями которого, как правило являются куклы, плюшевые игрушки и т. п.

Стиль ститчпанка более пародичен и не столь пессимистичен, как киберпанк или стимпанк, хотя и носит аналогичные черты социальной антиутопии.

Самым известным воплощением ститчпанка можно назвать мультфильм «9», страшный и трогательный одновременно.

В нашем сборнике шьёт читателя наповал рассказ занявший первое место во всех номинациях, лучший на конкурсе «Панк» – «**Стежки**» (Виктория Радионова).

Манапанк

Чтобы понять, что такое «манапанк», необходима небольшая экскурсия к истокам. Что такое фэнтези, вы конечно знаете. Так вот, приставка -фэнтези сродни приставки -панк. Добавляем ко всему на свете и получаем нечто новое и странное, но не менее интересное. Так вот, есть такой вариант...

Технофэнтези – поджанр фэнтези, описывающий миры, где технологические достижения соседствуют с проявлениями магии, или где наука и магия трансформируются друг в друга.

Джон Клют в The Encyclopedia of Science Fiction использует такое определение технофэнтези: *фэнтези с научными или технологическими атрибутами и инструментами, но в отличие от научной фантастики без научного или псевдонаучного обоснования их существования.*

Скрестив панк и технофэнтези, мы получим...

Манапанк – поджанр технофэнтези, в котором магия используется как вид топлива с высоким КПД, приводящим в движение различные механизмы.

Это настолько узкое и экзотическое сочетание, что в фистом виде почти не встречается ни в кино, ни в играх, ни в литературе, тем не менее, у нас оно есть!

В сборнике заклинания по формуле манапанка можно

прочитать в рассказе «**Летящие над бездной**» (Сергей Резников).

Биопанк

От английского слова «biology» – биология. Биопанк – направление в научной фантастике, посвящённое социальным и психологическим аспектам использования генной инженерии и применения биологического оружия.

Биопанк описывает синтетическую биологию, героями выступают биохакеры, нанятые или противостоящие биокорпорациям и правительственным подразделениям, желающим использовать в своих целях человеческую ДНК.

Возможно, именно по причине своей специфики, этот жанр не так ярко представлен в кино, хотя и имеет глубокие исторические корни. Зачинщиком биопанка можно считать роман Герберта Уэльса «Остров доктора Моро». Страшный, пугающий дневник о жутких биологических экспериментах.

Тем не менее, разнообразие жутких биологических структур в нашем сборнике множат сразу четыре рассказа: **«Встань или сдохни»** (Аня Тэ), **«Черепанк»** (Дмитрий Николов), **«Питомцы»** (Татьяна Ильюшина) и **«Псков»** (Константин Чихунов).

Советпанк

Советпанк – мир победившего/побеждающего коммунизма в антураже советской эпохи (преимущественно 1960—1970-х годов) с негативными или позитивными последствиями развития по усмотрению автора.

Типичными героями выступают работник, студент, учёный, добывающиеся всего собственными силами и знаниями, а также вымышленный супер-герой. Однако, всё это во все не обязательно.

Самым известным примером советпанка в кино можно назвать телесериал «Чернобыль: Зона отчуждения» (2014).

Особенно ярко этот жанр прорисован в играх, которые неровно дышат в сторону альтернативного советского будущего и прошлого: S.T.A.L.K.E.R., «Singularity» (2010), «Command & Conquer: Red Alert», «Communism Muscle Cars: Made in USSR» (2017), «Красный космос» (2007). В аниме – «Первый отряд».

В нашем сборнике за советпанк несёт личную ответственность рассказ «**Запах мечты**» (Андрей Ваон).

Клокпанк

Clock по-английски – «часы». Жанр основан на технологии, науке эпохи Возрождения и барокко (ок. 1400—1700 годы), когда вместо силы пара используются заводные механизмы.

Вдохновением служат проекты Леонардо да Винчи, а главными героями выступают придворные инженеры, куртизанки, гвардейцы.

В качестве примеров клокпанковских идейных механизмов кинофильм «Мушкетёры» (2011), «Хэллбой II: Золотая Армия», анимэ «Clockwork Planet», комикс Нила Геймана «1602», а также «Syberia» – монументальный шедевр игрового жанра в стиле клокпанк.

В нашем сборнике читательский интерес к клокпанку заводит рассказ **«Железный князь Иоанна Васильевича»** (Марина Екатериничева).

Экскурсию провёл Алексей Жарков. Пожалуйста, прочитайте благодарности и пройдите в зал тринадцати панк-порталов.

Благодарности

Составитель сборника выражает искреннюю признательность всем, кто помогал в нелёгком деле классификации рассказов по жанрам, отозвавшись на его просьбу на сайте, а именно: Дарье Странник, Константину Чихунову, Фантомасу Разбушевалсу и Наталье Солнечной.

А также Сергею Резникову за вдохновляющую аннотацию к этому сборнику.

Стежки

Виктория Радионова

Приноровился. Нажим. Прокол.

Острые иглы показалось на поверхности. Детские пальчики, в маленьких ранках от нечаянных уколов, ухватились за кончик, вытянули иголку, а следом тонкую прочную нить. Стежок лёг ровно.

Прищурился единственный глаз, маленький портной придирчиво осмотрел работу.

– Хорошо, Тео, ты молодец! – похвалил он себя.

Дальше нужно шить вдвойне аккуратно, чтобы не испортить начатое. Ткань слишком нежна, любой неверный отступ, лишний прокол, и дефект уже не исправить.

Это чучелок можно сшить на скорую руку, главное, успеть, а уж как они выглядят, не важно. Они и до перехода смотрелись не лучше: сутулые, кривоногие, с перекошенными, помятыми лицами, тусклыми глазами... А уж запах какой отвратительный! Были чучелками, чучелками и остаются. Валяются повсюду, ждут чего-то, время от времени путаются под ногами. Зануды страшные! И на вид страшные. Зачем столько страшного в одном месте?

Давно надо было перестать с ними возиться, не тратить

время попусту, а браться за настоящую работу. Только он все сомневался, побаивался, что не справится. Здесь уже умением не обойтись, нужно мастерство. Шов должен быть незаметным, будто и нет его вовсе. Он и называется «потайной». Вот как на нем самом.

Разглядывая себя, он всякий раз поражался, как же мастерски стачали его детали, настолько незаметно, без стыков, пришили к телу руки и ноги, даже голову?

Кривой шов на горле не в счёт, он появился при починке: какой-то неумеха пришивал его полуоторванную голову обратно. Испортил такую работу!

На животе надрезы тоже зашивались впопыхах, но здесь уродство скрыто пижамой. А вот за лицо обидно. Можно ведь было порванный рот зашить не так криво. Это же не худой мешок чинить! Да и с глазом что-нибудь придумать – веко стянуто косыми стежками.

Ему частенько хотелось распороть это безобразие и исправить. Но шить на себе нельзя – зашьёшь память. А он не смеет забывать. Он должен помнить эти глаза... Холодные и влажные, как куски подтаявшего льда, абсолютно пустые. Даже у чучелок, в их оловянных пуговицах, что-то есть: тоска, сожаление, надежда... В тех глазах – ничего. Ты плачешь от страха, умоляешь прекратить, орешь от боли, срываясь на хрип, глаза смотрят на твои муки неотрывно, пристально, и ничего не происходит во взгляде, ни одно чувство не проскользнет по белесой наледи: ни ненависти, ни сострадания,

ни удовольствия. Ничего.

С мольбой вглядываешься в эту пустоту, а пустота заглядывает в тебя. И все сжимается до малюсенького комочка, а затем исчезает вовсе. Воспалённые веки вздрагивают, скрывая на миг и вновь обнажая ледяную пустоту. Но твой единственный уцелевший на изувеченном лице глаз, уже не видит ее. Он сам уже опустел.

Тео вздрогнул, отгоняя ужас, притаившийся в памяти, потер заслезившийся глаз и вернулся к работе.

Стежок. Ещё стежок. Отлично получается! Да он мастер! Может, ему и вправду взять да перешить себя. Не пришлось бы прятаться в капюшоне. В нем, конечно, уютно, но плохо видно. Кругом и так сплошные потемки. А зрение хорошо бы поберечь, ведь ещё столько работы!

Пальцы устали, плохо слушаются. Он уже несколько раз укололся. Нитка путается, затягиваются узелки. У создания непростой характер. На Барни нитка тоже путалась, вот и вышел вредина, а не медведь. Все время ворчит, со всеми ссорится.

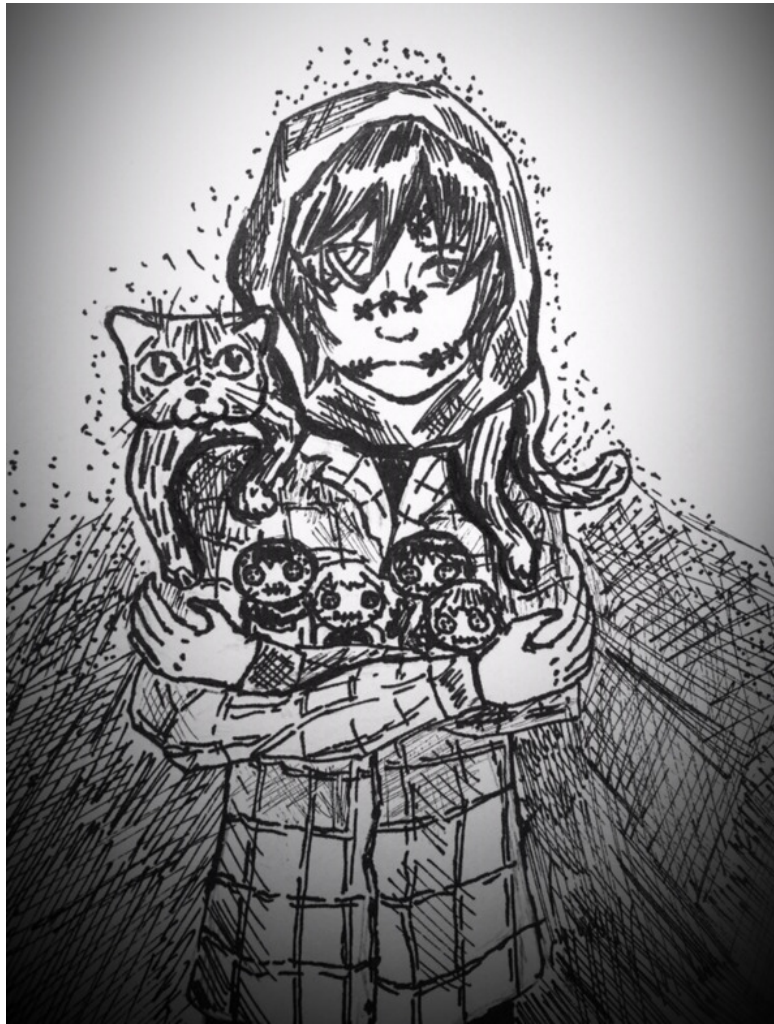
Проклятье! Как он мог забыть?!

– Барни! Куда ты делся? Я должен пришить тебе лапу.

Но старик или оглох в своём пыльном углу, или опять показывает несносный характер.

Тео отложил работу, огляделся. Нет, его так просто не найти в этом беспорядке. Чердак завален всяческим хламом: коробки громоздятся одна на другую, поломанные сту-

ля перевёрнуты, разбросаны, корзина полна чучелок. Выпавшие валяются среди обрезков ткани, смятых бумажных лекал, клочков ваты. Они и при жизни тоже все норовили завалиться где-то среди мусора. Так с чего бы им менять свои привычки?

Может, спросить про Барни у Молли? Лошадка дремлет, мерно раскачиваясь. Что ж ещё делать игрушке-качалке? Жалко будить старушку.

– Барни! – снова позвал Тео. – Тащи сюда свою лапу, надо пришить. Чудовища вот-вот вернутся.

В последний свой приход, они хорошенько потрепали медведя, а лошадке вспороли брюхо. Молли он починил сразу, а Барни разворчался, как обычно, уковылял в темный угол, да там и остался сидеть. Вот Тео и позабыл о старике.

Раздался мелодичный звон. Это Мартин, настенный кот, вильнул хвостом:

– Время, малыш, время...

Тео оглянулся. Кот не хотел встречаться с ним взглядом, гонял выпученные глаза из стороны в сторону. Стрелки на брюшке-циферблате слегка подрагивали.

– Большая на девяти, маленькая почти на пяти.

– Верно, малыш, и ты знаешь, что это значит.

– Значит, у меня есть несколько минут.

– Неверный ответ. Подумай ещё.

– Барни должен быть в порядке, – прищурился Тео, пытаясь продеть нить в ушко иголки. – Это собьёт их с толку, может, даже напугает, и они перестанут являться на наш чердак.

Кот нервно задергал хвостом.

– Мальчиш-ш-шка! – шипел он. – Не слуш-ш-шаешься, опять неслуш-ш-шаешься!

Шестеренки ускорили темп, стрелки понеслись в два раза быстрее. Онемевшие пальцы выронили иглу. Тео согнуло и выкрутило, как белье при отжиме.

– Прекрати!

– Убирайся, Тео, – рявкнул из угла Барни. – Проваливай!

– Вон! Вон! Вон! – кричали чучелки хором.

– Тебе пора, дорогой! – уговаривала только что проснувшаяся Молли.

– Но я не закончил, не закончил! – твердил малыш, чуть не плача. – Нужно починить Барни. Тогда...

– Они не должны тебя видеть, даже догадываться о твоём существовании. Ты самое дорогое, что у нас есть. Мы не можем потерять тебя.

– Прекрати сюсюкать, старая кобыла! – рычал медведь. – Избаловала мальчишку, вот он от рук и отбился.

– Барни из плюша, как смеее вы разговаривать в подобном тоне?! – от возмущения Молли качнулась так сильно, что чуть не перевернулась. – Где ваши манеры?

– В заднице! Что, съела, да?!

Медведь захохотал, хлопая уцелевшей лапой по мохнато-му боку. Лошадка взвилась на дыбы. Тео заплакал, он не выносил скандалов.

– Не волнуйся, дорогой, – Молли тут же обуздала свою прыть, – все в порядке.

– Брось, парень, – смутился медведь. – Мы всего лишь ворчим по-стариковски.

Внизу хлопнула дверь, послышались возбужденные голоса, брань и смешки.

– Прячься, Тео, они уже здесь!

Скрип ступеней старой лестницы смешался с топотом ног. Молли качнулась в последний раз и замерла, стекленея взглядом. Барни отшвырнул оторванную лапу и хотел уже повалиться на пол, но Тео схватил его за шкуру.

– Мартин, умоляю, дай мне время!

Кот взвыл утробно, но часы, скрипя механизмом, замедлили ход, стрелки остановились. На лестнице воцарилась тишина. Чудовища по-прежнему поднимаются на чердак. Но пока они заносят ноги на очередную ступеньку, Тео вполне успеет пришить Барни лапу и убраться в укрытие.

Стежок. Еще парочка, и все лапы на месте. Довольный Тео улыбнулся, усадил медведя верхом на лошадку, подмигнул часам.

Теперь, уже точно пора в шкаф, аккуратно свернуться на полке, прикидываясь пижамой в голубую клетку на мальчика восьми лет. Кому придёт в голову, что это и есть сам мальчик, пропавший на чердаке четверть века назад. До такого ещё додуматься надо. Вот полицейские не додумались, при осмотре места преступления нашли лишь то, что осталось от Тео, его оболочку – разорванный чехол, перепачканный чем-то липким.

А сам Тео сразу, как только покинул испорченное тело, спрятался в шкаф. Он и раньше частенько забирался туда,

представляя, что это тот самый проход в волшебную страну, о котором он читал в своей любимой книжке.

Прятаться легко, нужно просто притянуть колени к груди, прижать локти, подвернуть голову – это легко, когда ты не имеешь тела. Тело – это так неловко: саднят царапины, ноют ссадины, шатается зуб, чешется под лопаткой, куда никак невозможно дотянуться... Его так запросто уже не починишь: упадёшь неловко, и в ушибленном месте растекается синяк, а то и похуже, сдирается кожа, ломаются кости... Без тела гораздо лучше, можно везде побывать, перебираясь в другие шкафы в любом доме, может, даже за пределами городка, он просто не проверял. Зачем, если ему интересно перебираться только в один единственный шкаф, в спальне Ангела. Там спящая девочка – само совершенство! Тео смотрит на неё каждую ночь и не может налюбоваться. Вот бы поселить ее у себя на чердаке, познакомить с Молли и Мартином, даже с Барни. Об этом можно только мечтать. Хотя, кто знает, может, ее переход не так далёк, как кажется, вдруг она заболит или будет неосторожна при переходе дороги. Сам он, конечно, не причинит ей вреда, но его желание с каждым днём все сильнее. Вот он и шьёт для неё оболочку, чтобы к моменту перехода, все было готово. А тут эти чудовища отнимают драгоценное время. Тео трясёт от злости.

Голоса совсем рядом.

– Черт! Что за срань такая?! Майкл! Сэм! Заткнитесь уже и смотрите сюда!

Клюнули! План сработал. Заглотили наживку. Тео тихонько приоткрыл створку шкафа. Его раздирало любопытство. Их трое: близнецы, лет двенадцати, оба рыжие, курносые лица густо покрыты конопушками, и девчонка. Она стоит спиной к шкафу. Тео не видит лица, лишь худую фигуру: длиннющие руки и ноги, торчащие локти и колени – острые углы, которые натываются на все, рушат, ломают, дают пинка, бьют под дых, отвешивают оплеуху.

Грязно бранясь, один из близнецов, сдергивает Барни с качалки. Держа за ухо, внимательно рассматривает со всех сторон. Другой норовит забрать медведя из рук брата.

– Да не лезь, ты, придурок, погоди! – уворачивается первый. – Анжела, ты же вчера оторвала лапу этому уроду, а теперь, гляди-ка, он целёхонек!

Барни брошен девчонке, она пару раз подкидывает его на колене и пинком посылает в угол.

– А лошадь! – второй близнец подскакивает к Молли. – Мы же ещё кидались опилками из ее брюха. У Анжелы все волосы в них были. Тут точно призрак!

– Иди в задницу, Сэм!

Голос девчонки на удивление неприятный, с хрипотцой, какой-то грязный, как и ругательства, которыми она перемежает фразы. Тео поморщился, забрался глубже в шкаф, от звуков он избавиться себя не мог, а вот за действиями предпочёл не наблюдать. Все равно его план провалился. Никто из чудовищ даже не подумал испугаться.

Девчонка хохотала:

– Ты идиот, Сэм, здоровый придурок, а в сказки веришь.

– Сама ты...

– Что?

– То!

– Давай, договаривай и огребешь по полной.

Перепалка, чуть было не перешла в потасовку, и сила была явно не на стороне близнецов, но разборки утихли. Закурили. После первой затяжки, стали припоминать, кто что слышал про чердак.

– Сюда бомжи частенько наведываются, приходят переночевать, а потом их никто больше не видит.

– Что, прозрачные становятся? – хихикает девчонка.

– Да причём тут... Хватит прикалываться. Пропадают без вести.

– Бомжи – это тема. Я бы попинала какого-нибудь бродяжку, да что-то ни одного здесь не вижу. Надо бы притащить сюда кого-нибудь из них, и проверить, куда ж он денется, если из него вышибить дух.

– Анжи, ты иногда такое несёшь, что у меня мороз по коже.

– Не ссы, придурок. Мир надо чистить.

Близнецы поспешили сменить тему.

– Говорят, тут было убийство.

– Seriously? И кого же тут уколошили? Медведя?

– Зря смеёшься. Отец говорил, маньяк запытал мальчиш-

ку. Изрезал ножом.

Девчонка перестала ехидничать, слушала внимательно, ловила каждое слово.

– И что он ему отрезал?

– Да мы-то откуда знаем. Это сто лет назад было.

– Не сто, – вмешался брат. – Отец говорил, лет двадцать.

– Да какая разница сколько! – перебила Анжела. – Интересно, как он умер. А маньяка поймали?

– Вроде нет. Говорят, после похорон мальчишку видели несколько раз. И все, кто видел призрака, умирали.

– Брехня.

– Не брехня! Дед с бабкой, которые его воспитывали, умерли, и отец тоже.

– Ещё б они не умерли, они же старые. А отец, наверное, просто спился.

– Не хочешь, не верь.

– И не поверю, пока не проверю.

– А как проверить-то?

– Обычно. Надо вызвать призрака.

– А как вызывать?

– Да просто. Принесём жертву.

– Какую жертву?

– Человеческую, конечно, того же бомжа.

Близнецы переглянулись. Они не всегда понимали, шутит подруга, или говорит серьезно, по ее тону понять это было невозможно. А улыбалась она постоянно, если ее кривую ух-

мылочка можно считать за улыбку.

– Или лучше приведём сюда дауненка. Вот он точно пойдёт, только пальцем помани.

– Я что-то не понял, – нахмурился Майкл, – ты собираешься убить человека?

– Да какого человека?! Я ж говорю, дауна этого. Мамаша частенько оставляет его на лужайке перед домом, не сразу хватится.

– У тебя точно крыша поехала. Как же мы его убьём?

– Так же, как этот ваш маньяк, порежем.

– Ты совсем, что ли? Он же орать будет.

– Ну, это уже дело техники – кляп, скотч...

– А как же его мать? – в разговор вмешался Сэм.

– Мать нам ещё спасибо скажет, что ей не надо с ним мучиться.

– Она любит его!

– С чего ты взял?

– Ну как? – Сэм даже растерялся. – Она же мать.

– Мать... Меня мать не больно-то любила, когда бросила годовалую на папашу-алкоголика и угнала с каким-то хмырем на байке.

– Анжи, прекращай, давай не будем про это говорить.

– Конечно, мы не будем говорить. Сколько можно разговаривать?

Близнецы выдохнули с облегчением. Девчонка подтянула к себе брошенный по приходу рюкзак и вытащила за шкирку

мяукающий комок.

– Котёнок, – Сэм расплылся в улыбке, потянулся погладить.

– Руки убрал! Я не для этого лазила за ним по помойке.

– А для чего? – мальчишка не понимал, куда она клонит.

– Для того. Хватит в игрушки играть, пора во взрослую жизнь.

– Что ты собираешься делать?

– То же, что и с медведем, и с лошадю.

– Он же живой!

– Пока... – она мерзко хихикнула и подмигнула побледневшим мальчишкам, – вот и посмотрим, сколько протянет.

– Отдай! – Сэм кинулся отнимать зверька, но ему прямо в лицо вскинулось лезвие бритвы.

– Ну, давай! Чего встал? Попробуй, отними.

Мальчишка всхлипнул, сжимая кулаки в бессилии, отступил на шаг.

– Сэм, пошли! – Майкл потянул брата за рукав.

– Она же и вправду его порежет! – Сэм уже не мог сдержать рыдания.

– Давайте, валите, пока я одного из вас не порезала, или обоих. Никакого дауна не надо, здесь их целых два.

Сэм плакал навзрыд, Майкл тащил его за собой к выходу с чердака.

– И не вздумайте сболтнуть кому-то. Иначе мне тоже есть, что рассказать вашему папаше.

Ответом был лишь топот ног, спускающихся по лестнице. Хлопнула дверь. Девчонка выругалась, пнула попавшего под ногу Барни. Котёнок пискнул, когда она перехватила его, крепко зажав мордочку в кулак. Конец бритвы нацелился в недавно прорезавшийся глазик.

Скрип. Долгий и протяжный. Девчонка невольно обернулась. Дверь старого шкафа открылась. Ничего удивительного, кругом одна рухлядь. Она поспешила вернуться к своему занятию.

Тео не мог поверить. Он узнал ее, но глаза... Те самые пустые глаза, которые он не забыл. Глаза мучителя, убийцы, у его Ангела... Зачем она проснулась? Зачем открыла пустоту? Теперь бездна смотрит на дрожащую, извивающуюся жертву.

Лезвие почти достигло цели, как вдруг сжимающей бритву руки коснулись ледяные пальцы. Ангела вздрогнула от неожиданности, а котёнок выскользнул на пол и тут же шмыгнул за груды коробок. Рядом стоял мальчишка, ниже ее на голову, в клетчатой пижаме с капюшоном, скрывающим лицо до самого подбородка. Он крепко держал ее за запястье.

Оторопь сменилась приступом ярости: из-за этого сопляка сбежала жертва! Девчонка сорвала капюшон с его головы и отшатнулась от изумления – вместо лица была страшная маска, криво пошитая из кусков кожи. Из единственного глаза скатилась слезинка. Анжи не могла оторваться от этого

изувеченного лица, пристально разглядывала каждый уродливый шов, стянутый поперёк кривыми стежками.

Щелчок. Ещё щелчок. В руках мальчишки были портняжные ножницы. Он ловко орудовал ими, разрезая что-то в воздухе на уровне ее груди, видимое ему одному, но Анжела чувствовала каждое пересечение лезвий на себе.

Ей не было больно, скорее наоборот. Казалось, тугие нити, всегда стягивающие ее поперёк тела, не дающие расслабиться, скинуть тяжесть, зашитую в груди, наконец распороты. Свободные края разреза распахнулись, как расстегнутая кофта, и теснящийся внутри мрак чадящими клубами вырывается наружу. Стало невероятно легко, хорошо до слез. Они лились потоками, на душе было светло и спокойно, впервые в жизни и всего лишь на пару секунд. Ровно столько продлилась эта счастливая жизнь Анжелы, жизнь без тьмы, без черноты, без мрака внутри.

* * *

Стежок, ещё пара. Готово. Осталось аккуратно закрепить нить. Тео оглядел работу сам, показал Барни и Молли. Те улыбались в восхищении.

– Идеально! – мурлыкнул Мартин.

Портной улыбнулся в ответ, но тут же озадачился:

– Что же делать с глазами?

– Пришей пуговицы, – посоветовал Барни.

Тео в сомнении посмотрел на чучелок. Они стояли рядом, таращились своими пуговками, одобрительно кивали.

– Все лучше, чем те, что были, – рассуждал медведь.

– Нет, – возразил Тео, – пусть просто никогда их не открывает.

Он отошёл на шаг, полюбоваться на только что дошитого Ангела. Анжи безмятежно спала, нежно обнимая мурчащего котёнка. Тео остался доволен работой, но ножницы, иглу и нитки убирать не стал – пришло время заняться собой, пора уже забыть весь этот ужас.

Запах мечты

Андрей Ваон

Вот он, этот запах.

Егор зажмурился и вдохнул ещё раз, крепко, до одури и боли в груди. Пахло морем, влажной тундрой и рыбой.

Он открыл глаза: отсюда, с конечной станции монорельса виднелась Плотина, уходящая в пролив бесконечной махиной. С одного края земли на другой. Соединяя два материка, Плотина вот-вот должна была запереть Берингов пролив. На эту последнюю Великую стройку Егор всё-таки успел.

– Бойцы! Грозные альбатросы Берингии и окрестностей! – загромогласил Куров, пожилой уже дядька, руководитель их московского стройотряда. – Ещё не достроена последняя арка Плотины, ещё покусывают холодом стылые берега нашей Родины ледяные воды полярного океана! Но мы тут! Закупорим! Протянем тепло Гольфстрима, обогреем снежные просторы нашего севера! Защитим до последней капли трудового пота нашу землю от зимнего замерзания! – на последнем крике Куров пустил петуха, закашлялся и махнул рукой – давай, мол, за мной.

Народ поощрительно загудел, и все потянулись за предводителем на берег к общежитию, похожему внешне на дворец.

Ещё школьником Егор Дугин хотел сбежать на зачистку

Юго-Западного канала – поймали в Астрахани. Потом он грезил Манычом – но канал между Азовом и Каспием решили законсервировать до лучших времён. Когда путешествовал с родителями по Уральской кругосветке, слез с экраноплана в Салехарде, стянул где-то плоскодонку и на двух вёслах пошлёпал прямо в открытое Обское море. Далеко не ушёл и тут.

При поступлении на гидрологический он вдруг перепугался, что на его век не хватит. Закончатся Великие стройки. И помчался после второго курса, как только дали разрешение, на достраивание Беринговой.

И все они были тут такие, с огнём в глазах. Хоть кирпичик, хоть гвоздь забить... Мечта здесь, перед ними – запустить Берингову Плотины, продлить Гольфстрим до Чукотки, устремить страну в Новый климатический оптимум.

Они спустились с монорельса. Серебряная гильза поезда неслышно тронулась и заскользила в депо, поблёскивая плавными обводами.

– Насосы готовы, закроем последний пролёт и можно врубать, – сказал Куров перед тем, как распустить студентов на заселение.

Знали это все, от зубов теория отскакивала, но слушали, будто в первый раз, вглядываясь в туманные дали, туда, где терялась из виду на Американской стороне другая окончательность Плотины.

Широкая, с жилыми корпусами и местами под парки и са-

ды, с монорельсом и шоссе, Плотина доминировала среди безрадостных серых пейзажей.

– А лет через двадцать яблони будут цвести, – сказал Егор. Его услышал Куров и, задымив сигаретой, подмигнул ему и показал большой палец.

* * *

Летели снежинки, но весна чувствовалась во всём. Солнце не опускалось по двадцать часов в сутки, надраивая светом полярный день.

– Получилось, – сказал Куров.

Сказал просто, будто поздоровался.

Внешне Плотина за год почти не изменилась. Но заткнули финальную брешь, запустили атомные насосы. Врубали скромно и буднично.

Егор стоял рядом. Юношеская мечтательность из его глаз улетучилась ещё зимой, когда руки примерзали к арматуре и через брезентовые варежки, а энергии тепловой станции хватало только на стройку, в общежитии приткнули буржуйки и топили их плавником. Ушла мечтательность, но никуда не делась мечта.

Ветер бился в Егорову крепкую спину, но он погодных трепыханий не замечал. Стоял прочно, заматеревший, с щетиной и прокопчённым лицом, с навсегда появившейся складкой между бровями.

Насосы перекачивали холодные Ледниковые воды в бассейн Тихого. Мировой климат-контроль был запущен.

* * *

В этот день Влад любил перебирать свой ящик. Он называл этот сундучок «дедовским».

За окном палило солнце, слепил свежий снег, а Влад, задрнув плотные шторы, сидел в полутьме тесной комнатухи с кружкой кофе – на гору он сегодня и не собирался.

Но не отпил он ещё и половины, как запищала сигналка – вызывала дирекция.

– Что б вам, – буркнул Влад. Потянулся, нажал кнопку.

На экране высветился чернявый и горбоносый Вахтанг Чхеидзе. Смущённо улыбаясь, он сказал:

– С днём рождения, Владислав Игоревич!

– Угу, – кивнул Влад и отпил кофе, – спасибо. И? Сдаётся, мне это не всё.

Вахтанг зарыскал глазами, коричневое его лицо, со светлым следом от горнолыжной маски потемнело ещё больше.

– Тут Синицыны приехали...

Влад поднял лицо к потолку.

– Охохонюшки... А чего? Не зима ж вроде.

– Ну да, они на море приехали вроде, а тут... – бормотал Ваха

– Понятно.

– Я им сказал, что у вас выходной, что день рождения... Но вы же знаете, там Анатолий этот... Вот я и к вам...

– Да ладно, Ваха, чего там, – прервал его Влад. – Скажи, скоро буду.

– Спасибо, Владислав Игоревич! Спасибо! – обрадовался Ваха и отключился.

– И нет нам покоя... – начал напевать Влад, натягивая горнолыжный комбез.

* * *

– Как водичка? – спросил Ваха.

Синицыных на курорте знала каждая собака. Анатолий с Лидией Петровной приезжали в Гагру два раза в год, а то и три.

К своим тридцати пяти (учились вместе, поженились ещё студентами) они защитили, каждый, по кандидатской, а Анатолий даже докторскую; имели репутацию и «приход» в виде верных студентов, аспирантов и слушателей. Современная наука «Философия свободной души» набирала популярность, и Синицыны оказались в струе.

За собой следили: стройные, подтянутые, вечером намазаться кремом, раз в неделю массаж и сауна, по утрам гимнастика, вечером прогулка по зелёным московским улочкам.

В Гагру приезжали в зимнее время, «под снег» – хорошенько катнуть на лыжах; а летом любили Пицунду – там

и пляжи получше, и море поласковее.

– Брр! – Анатолий дёрнул плечом. – Так вроде жарко, чуть ли не двадцать пять, но вода чего-то не прогрелась ещё.

– И глядим, горы белые, думаем, а чего ж не покататься? – улыбнулась Лида. – Когда ещё так получится...

– Очень захотелось, да. Хоть и прокатное пришлось взять, – Анатолий скептические повертел ногой в арендованной, но дорогой и почти новой лыжине.

Стояли у подножия Арабики на поляне Бамбонаш среди кафешек и ресторанов. Сюда прямо от моря за двадцать минут вознесла Синицыных канатная дорога. Сама Арабика и соседняя Агепста были уставлены подъёмниками покорооче и исчерчены загогулинами трасс. Пансионаты, коттеджи и гостиницы заполонили края поляны. Сезон затянулся, но на склонах было безлюдно.

– Но всё равно искупались? – Ваха спрашивал, а сам поглядывал на часы.

– А, – махнула горнолыжной палкой Лида, – где там...

– Да уж. Лёд только в апреле сошёл, – закивал головой Ваха. – А в мае некоторые донизу съезжали.

– Да ну? – удивился Анатолий.

Он обтянул свою стройную фигуру цветастым эластиком, ухоженную шевелюру обхватил пояском от модных очков. Жена от него не отставала, и Ваха, нет-нет, а косил на Лидию Петровну восточным своим глазом.

– Ага, сейчас уже немного подрастаяло, – кивнул он. –

Но всё равно только на поляне пригревает, а на восточных и западных склонах и целый день не отпускает.

– Снега-то давно, гляжу, не было, – скептически постучал палкой по насту Анатолий.

Постучал с видом знатока. А вот кататься Синицыны толком так и не научились Зато требовали себе самого лучшего инструктора. Лучшим считался Влад Дугин.

Дугин мог дать фору любому лыжнику. Особенно вне трасс. Молодцы-удальцы, которых он штопал, ворчали: «Просто он тут всё строил, знает уклоны и рельеф». Дугин вообще тут был авторитетом. С чудинкой, но авторитетом. Сам директор Гедеван Александрович жал ему руку по утрам и спрашивал про состояние склонов. С начальником спасслужбы и главным метеорологом каждый день планёрка, и решающее слово оставалось за Дугиным. А если снегопады, то Дугин на пульте перед картой склонов – где, в какой последовательности закрывать трассы и спускать снежные завалы «трясухами» – искусственными выбросклонами. А числился гидом и инструктором, хотя сто раз предлагали повыше перебраться. Но лишь головой качал, отказываясь.

– Так, ну и где он? – посмотрел на часы и Анатолий.

Ваха переступил с ноги на ногу, высматривая длинную фигуру на восточном склоне – где-то там, на границе леса располагался домик инструкторов.

– Здоров, – голос раздался с другой стороны. Дугин,

со здоровенными лыжами на плече, с тёмными подвивающимися вихрами и мохнатой бородой шагал к ним размашисто. Круглые альпинистские очки скрывали глаза.

– О, Влад, здравствуйте! – обрадовалась Лида.

И Анатолий не ревновал, он тоже рад был Дугину. Синецын любил бахвалиться в городе: вот он, уважаемый человек, а тут выполняет безропотно (преувеличивал) всякие дурацкие упражнения, не перечит и смотрит на учителя подобострастно (откровенно врал). Ведь здесь Горы. И поднимал Анатолий указательный палец, когда живописал друзьям свои горнолыжные подвиги.

– С днём рождения, – затряс руку он Дугинскую руку.

Влад криво улыбнулся.

– Так поздно сюда ещё ни разу не заглядывали, поэтому не знали, что у вас сегодня праздник, – засуетилась Лида.

Влад про себя чертыхнулся, а вслух сказал:

– Да ну... какой там праздник. Ну, что, наверх, а там по Гегской? Разминочный?

И они поехали наверх на тёплом и мягком кресле канатки номер семь. Синецыны крутили головой, разглядывая привычные пейзажи, всё удивляясь, как долго лежит снег в этом году.

– Теперь с каждым годом всё холоднее, – прокомментировал Влад.

Сегодня как раз он подметил, что четверть века прошло, как остановилась Плотина. И если первые десять лет ещё

тлело инерцией тепло, то потом холод поперь изо всех щелей. Всё заметнее, всё быстрее.

– Думаете? – прервала его мысли Лида.

– Да ну, Влад! Случайные флуктуации! – махнул рукой Анатолий. – Сейчас прохладно, потом тепло.

– Если бы, – хмыкнул Влад, поглядывая на ядрёной голубизны небо. – Как Плотину остановили, так и началось. Поначалу незаметно было, а потом в обратную сторону механизм раскачался. И эта ледяная мощь всё нарастает.

Он говорил, покачивая широкой лыжей.

– Ой, Влад, скажите ещё, жаль, что ракеты больше не запускают, – невпопад сказала Лида.

Дугин резко повернулся к ней, сверкнув чёрными очками. Лида осеклась. Тут подъёмник подъехал к верхней точке, и все трое синхронно выползли из кресла.

– Разомнёмся и начнём, – скомандовал Дугин и стал размахивать руками, ногам и вертеть корпусом.

А Синицыным хотелось просто постоять, поглазеть спокойно. Отсюда, с Арабики виднелась холодная синева моря, и во все стороны было красиво.

– А Турции всё равно не видать, – вздохнул затёртой шуткой Анатолий. Лида послушно улыбнулась. – Влад, а на Агепсту когда? – кивнул он на север, где громоздилась многоверхая, самая высокая в округе гора.

Дугин пожал плечами.

– Посмотрим. Как пойдёт.

– Влад, а к Рице скатимся? – Лида разминалась вяло. Ей хотелось скорее кататься, все эти потягивания она не любила.

Дугин скривился. Маршрут к озеру могли осилить только мастера. Мастера, а не Синицыны.

– Посмотрим, – вновь буркнул он. – Готовы? – он встегнулся в лыжи.

– Готовы, готовы! – обрадовалась Лида.

А Анатолий с деловым видом присел на колено, вытягивая ногу.

– Ещё минутку.

И через «минутку» они спускались по простой Гегской трассе. Дугин словно парил, на огромной скорости вздымая снежные шлейфы. Анатолий пылил старательными и кривоватыми поворотами, а Лида с девчачьим визгом ехала почти по прямой, подплуживая и размашисто вихляя корпусом.

После разминочного спуска Влад стал гонять клиентов всерьёз, и вскоре Синицыны взмолили о пощаде. Он пожал плечами – хозяин барин.

– Влад, с нами пообедаете? – предложила Лида.

Она сняла горнолыжную маску, шапочку, распустила светлые волосы. Солнце наложило свой отпечаток – Лидины щёки горели приятным румянцем. Она вообще была хороша. Отметил в очередной раз Дугин. Но не приударил бы он за ней, будь она даже свободна. За версту веяло от неё, от них обоих столичной пустотой и никчёмностью.

Но терпел Влад, такая работа. Он прирос к курорту за двадцать с лишним лет, при нём тут всё начиналось, и как ни горько ему было глядеть на то, во что превратилась горнолыжная Гагра, отлипнуть от этих гор он не мог. Здесь был его дом. Только в самую зимнюю стужу он выбирался в Москву к престарелым родителям. И не столько к ним, сколько на могилу к деду Егору.

– В «Московскую»? Или «Октябрь»? – везде у Влада были знакомые, но шумных мест он избегал. Просто полюбил попутствовать.

– Нет, Влад, в «Пирожковую», к Лали, – улыбнулся Анатолий.

– А, к Лали... Передавайте привет. А я домой. Завтра продолжим, – он пожал руку Анатолию, лёгонько тронул за локоть Лиду, а потом посмотрел на небо. – Хотя завтра вряд ли.

– Почему? – Лида тоже задрала голову.

– Мести будет, – ответил Влад. – Ладно, найдёте меня, если что. Знаете где, – он махнул перчаткой на прощание, и, толкаясь палками, поехал к домику инструкторов.

* * *

Дома он вытянул ноги, вновь налил кофе. Всё отключил, хотелось тишины; от трескотни Синицыных гудела голова.

Фотографии деда лежали в большом пухлом конверте. Там же Влад засунул и газетные вырезки, и письма. Отдельно

хранил дневник. И была там надпись сорокапятилетней давности: «Шестьдесят один, вот, наконец, и дед».

А вот фото: они вместе на Плотине, Владу девять. Он помнил и без фотографий те дни. Приехал к деду на Чукотку на летние каникулы. Дед взял отпуск, и они уехали на побережье Ледовитого в маленький домик среди молоденьких лиственниц. Дед лез в океан, кричал про «парное молоко», но Владик, избалованный тропическим теплом Чёрного моря, в пятнадцатиградусную воду лезть не желал.

Потом дед с гордостью показывал свои прижившиеся яблони; вот-вот начнут плодоносить, говорил он. Ходили смотреть на трансконтинентальный – он проходил раз в сутки в Америку, и раз назад, на Москву. Поезд выскакивал из тоннеля прямо перед Плотиной, чуть замедляя ход, мелькал мутным штрихом. В воздухе оседал сухой свист, и поезд летел дальше, к Огненной Земле.

В школе потом Владик сочинение написал про лето, проведённое в мечтах с дедом. Родители, однако, другие горизонты в сыновнем будущем видели, и мать шипела на отца: «Это всё дед ваш».

Сочинение дед затребовал себе – тетрадка в линейку в дедовском ящике лежала в уголке.

Вот вырезка из «Правды»: дед, директор Плотины, докладывает про темпы потепления, про то, что всё меньше и меньше надо энергии для перекачки, тёплый круговорот всё больше поддерживает себя сам.

Микроскопическая заметка в какой-то провинциальной газетке – «Плотина встала».

Деда к тому моменту уже не было.

А дальше... А дальше Влад сунулся студентом Геодезического института на Плотину в момент остановки насосов. А запускать, ремонтировать, выяснять причины уже было некому. Плюнули на обоих континентах – вроде и так неплохо.

Трансконтинентальный ездил ещё лет десять, потом заглох и он.

Влад подался в Гагру. Мода пошла – горнолыжные курорты везде городить, а специалистов – раз-два. Тешил себя Влад, что это такая замена прежним стройкам, обосновывал, прикрывая колкое сомнение, что это всего лишь отрывок бывшего всеобщего воодушевления.

– Мда... – поморщился Влад, вспоминая прошедший день: Синицыны, почти зимний снег в середине июля – всё валилось до кучи к нерадостным воспоминаниям.

* * *

– Вот тебе и лето, – восхитился Анатолий, выглянув в окно поутру.

Так им понравилось наверху, что вечером не захотели спускаться к морю, быстренько забронировали себе люкс сразу на неделю и осели в горах. «Успеем ещё накопаться», –

самонадеянно решил Анатолий. А Лида соглашалась и льнула.

И сейчас они радостно изумлялись снегопаду, залепившему крыши и окна. Заглохли все звуки, узкие треугольники елей пушились белым.

Но к вечеру Синицыны заскучали. Как и напрогнозировал Дугин, весь день мело, а воздух загустел плоскими снежинками, подъёмники работали в полгоры, и только на учебных и пологих трассах.

– А поехали на Рицу? – предложил Анатолий.

Лида повеселела:

– Поехали!

Схватили лыжи, накинули рюкзачки и выскочили в метель. Снег сёк глаза и кожу на лице.

– А внизу, наверное, поливает... – прогудел через поднятый воротник Анатолий.

Лида ничего не ответила, она сразу стала мёрзнуть. Лишь махнула рукой, поторапливая мужа.

До озера путь прочертили короткими взмахами: где на работающих подъёмниках вверх, где на лыжах вниз; по долине Бзыби спрятались от проливного тут дождя в вагончике винтового фуникулёра. Где-то на половине подъёма дождь перешёл в мокрый снег, а уже на озере снежинки порхали сухие и мохнатые.

Лес вокруг окрасился белым, озеро голубело по краям шугой, а в середине зимний лёд покрылся свежим снегом.

– Ух ты... – прошептала Лида, вылезая из вагончика. – Ты молодец! – чмокнула благодарно мужа за такие красоты.

Анатолий и сам был доволен.

– А народ грустит, что весна не задалась, ха! – балагурил он, пока шли, ковыляя в горнолыжных ботинках до знакомого им ресторанчика. – А надо удовольствие уметь получать! У природы нет плохой погоды! – шпарил он штампами. – Поди, ноют там сейчас в Москве – заливает, наверное.

– Да говорят, тоже снежинки запорхали, – осторожно заметила Лида.

– Да? – двинул бровью Анатолий. – А всё равно красота!

Потом они сидели в небольшом закутке возле камина, запивали вкусное и острое красным. Встретили знакомую пару. Оказывается, те приехали специально, «под снег». Разговорились. Женщины хохотали, мужчины шутили.

– Советую, очень советую, – говорил Олег, директор чего-то там в Ленинграде, – если опять будет непогода, съездите на Дарданеллы. Это, я вам скажу... – Олег показал большой жирный палец.

– Ну может... Только как туда добраться? – задумался Анатолий. – До Одессы на скором, там пересесть и на Стамбул?

Олег замотал головой, откусывая от ароматной чахохбилины.

– У Дугина же экраноплан есть! Договоритесь с ним, он вас и отвезёт.

Синицыны переглянулись.

– Так он разве ж согласится... – засомневалась Лида, словно не они вчера с утра затребовали Дугина к себе, наплевав на его выходной и день рождения.

– Так вы Горгадзе позвоните, он всё сделает, – махнул рукой Олег, другой хватая бокал. – Давайте, за жизнь! За прекрасную и красивую жизнь!

Бокалы звякнули разнобоем.

Через несколько минут Анатолий сходил к администратору и вернулся.

– Нету, сказали, – развёл он руками.

– Где же это он? – удивился Олег.

– Да тоже по ресторанам гуляет, – хихикнула Лариса, жена Олега, совсем юная, аляпистая и выпуклая.

Олег посмотрел на неё строго, она притихла.

– На Рице, сказали, в домике отдыха. Где это тут такой?

– А, так это на другом берегу, – задумался Олег. – А и отлично! Поехали! Сейчас и договоритесь. Горгадзе добро дал?

– Угу, – Анатолий сомневался. – Пришлось, правда, улаживать.

– Ну и всё! – Олег вскочил, потянул Анатолия к двери. – Девочки, вы ж подождёте, да?

Лида с Ларисой дружно закивали.

– Погоди, как мы на тот берег-то попадём? Лёд плохой, а лодка не пройдёт...

– Чудак! На подушке – раз и готово! – Олег был в том состоянии, когда и море по колено, и полузамёрзшее озеро не преграда.

Они переполошили на водной станции дежурного, тот запустил катерок на воздушной подушке, и уже через пятнадцать минут они колотили в дверь двухэтажного дома на берегу тихого залива. Открыл заспанный Дугин. Увидев разгорячённые алкоголем сытые лица, он скривился.

– И?

– Владислав Игоревич, у нас для вас задание на завтра. От самого директора! – радостно известил Олег.

– Знаю, звонил он, – ответил Влад. – Всё?

– Ээ... В общем-то, да, – растерялся Олег, поглядев на Анатолия. Но у того тоже пыл поутих, и ехать завтра куда-либо расхотелось.

– Тогда в восемь на Гагринском причале. Не опаздывать, – Дугин захлопнул дверь.

– Вот видишь. А ты говоришь! – Олег хлопнул приятеля по плечу, вновь приободрившись.

– Как-то неудобно вышло, – проговорил Анатолий.

– Брось! У него работа такая.

И они пошли, поддерживая друг друга, обратно к берегу.

* * *

Снег на следующий день валить перестал, но плотная об-

лачность упала на горы, опустившись вплоть до поляны. По верхам гулял ветер, и почти все подъёмники вновь были закрыты.

Дугин домиком отдыха пользовался нечасто, но и если выбирался сюда, то вот в такие дни, когда непогода, и на озере царило малолюдье, а в избе он оказывался и вовсе один. Со дня рождения он заkis, всё думал про деда и Плотину, перелистывал то самое детское своё сочинение, и тесно ухало его сердце. Хотелось вырваться, взлететь куда-то, но гнула неподъёмная нынче тяжесть. «Наверное, старость», – решил он, но успокоения всё равно не находил.

И пьяные Олег с Анатолием попали на противоходке. Это поначалу он на них рыкнул, а потом, поразмыслив, решил, что и хорошо, и пусть. В самый раз взбодриться. И Синицыным, хлыщам этим столичным, покажет, что такое плотины. Конечно, Дарданеллы это не Берингов мост, и всегда он не любил эту запруду. Но хоть что-то...

Море колыхалось нехотя, с ленцой. На Гагринском причале, позеленевшем от старости, было пусто. Один турбинный катер, один водомёт и всё. В аккуратном эллинге стоял Дугинский «Смерч» за номером 3719. Над экранопланом подхихикивали, но чуть что срочное: в Крым сгонять, в Ростов ли – это к Дугину.

«На совесть делали», – думал всякий раз Влад, открывая гараж.

Он сидел на крыле, прячась от морской промозглости

в высоком вороте бушлата. Тугим свинцом волны лизали сизую гальку и неспешно пихали аппарат. Влад покачивался вместе с машиной и хмуро глядел вдаль, где размывался серый горизонт.

Синицыны явились кислые, с тусклыми взглядами. Влад ёрничать не стал, лишь кивнул с сочувствием.

– Доброе утро, – натужно улыбнулась Лида.

– Доброе, – ответил Влад. – Садитесь, – и, завидев нерешительность Анатолия, добавил: – Толь, не волнуйся, не укачает. Наоборот, мозги прочистит скоростью.

Анатолий криво улыбнулся, крикнул и полез в кабину. Четыре пассажирских места, багажник; два кресла для штурмана и рулевого – Дугин управлялся за двоих.

Он помог спуститься Лиде, а потом забрался и сам.

– Пристегнитесь на старте. А потом как хотите. Мой совет – расслабиться и смотреть вверх. Успокаивает.

– Спасибо, – Лида под воздействием ли сырого морского воздуха, или Дугинской уверенности начала оживать, щёки её чуть порозовели.

Двигатель мягко заурчал, зашипела волна под еле заметным форштевнем.

– Готовы? – спросил Влад. В кабине он скинул бушлат, оставшись в старом тёмно-синем кителе. На голову надел фуражку с якорем и крылышками.

– Всегда готовы, – пробурчал Анатолий.

– Поехали! – сказал Влад и двинул рычаг.

Любил он это упругое вдавливание в кресло, лёгкий отрыв с затихающим плеском и мелькание зыбких волн по бокам. Экраноплан набрал крейсерскую, и Дугин разрешил:

– Можно отстегнуться. Через полтора часа – Босфор, а до этого никаких развлечений.

Анатолий с наслаждением вытянулся и прикрыл глаза.

– Влад, а расскажите про Атлантропу, – Лиде не хотелось сидеть в тишине.

Кроме того ей нравилось, когда Дугин говорил. Редко он балагурил, всё больше на зимних обязательных лекциях в «Московской» про лавинную безопасность нудел, про поведение на горе. Вот только на праздновании юбилея курорта, когда зашла речь об истории, его попросили выступить. Он начал нехотя про строительство, про то, какая это мечта (свою за общую выдавая) была, а потом разогнался и стал правду-матку рубить. Тогда чуть скандалом дело не кончилось, но Дугин охолонул сам и со сцены ушёл.

До лампочки Лиде были все эти великие плотины. Не видела она, в отличие от мужа, и разницы между нашими и их сооружениями, между застывшими и ещё работающими; её социология волновала, а сами стройки – такая муть... Но Влад со своим агрессивно-консервативным взглядом наверняка что-нибудь провокационное скажет – а это уже по её части.

– Лидия Петровна, неужели в школе не проходили? – посмотрел через зеркало на неё Влад.

Она засмеялась.

– Проходили, конечно, – она наморщила лоб и память. – Понизить уровень Средиземного моря на сто и более метров с помощью дамбы-плотины в Гибралтаре. Освободить тысячи квадратных километров плодородных земель Южной Европы, получить гигаватты энергии с ГЭС, соединить мостами Африку и Европу... Загородить Чёрное море и снабдить энергией причерноморские страны... Как-то так, – память она имела крепкую.

Анатолий, казалось, дремал и на монолог жены никак не прореагировал. Молчал некоторое время и Дугин.

– Дурацкий проект, – резко сказал он спустя минуту.

Руки его лежали на штурвале, корабль летел ровно и прямо.

– Дурацкий? – тонкие брови Лиды взлетели вверх.

Очнулся и Анатолий.

– Дурацкий. Ничего не вспахали, моря тысячи жителей лишили, рыба кончилась, суховей развился... И при нынешних холодах им вообще туго. Только и пользы, что энергия.

– Странно вы рассуждаете, Влад, – подал ленивый голос Анатолий. – Наши, выходит, стройки – это благо, а как... хм... буржуйские, так дурацкие? Ведь тот же принцип примерно, а? Кроме того, не будь этих плотин, вся Европа бы сейчас околела. Это и вы отметили. И ведь, насколько я знаю, по договору все причерноморские территории снабжаются энергией с Дарданелл.

– Снабжаются. И я различаю, тут ты, Толик, прав, – Влад с Анатолием в обращении не церемонился; то хмурился, но терпел. – Потому что у нас с умом подходили. Пусть и раньше, но с умом. А эти изначально налепили чёрт-те что...

– У нас с умом. И раньше. У них без ума, и раньше, и сейчас. Понятно, – Анатолий сел прямо.

– Да сейчас-то вообще никто ничего делать не умеет. Не может. И не хочет, – Влад вцепился в руль.

– Ой, можно подумать...

– Толя, – Лида, положив ладонь мужу на колено, посмотрела на него ласково. Тот кивнул на спину Дугина и двинул плечами в раздражении.

Влад, в зеркале Анатолиеву пантомиму заметив, тихо хмыкнул.

– Но ведь красиво сделали? – спросила Лида, ослабляя нерв.

– Красиво. Берингова в миниатюре, – согласился Влад, и тон его потеплел.

– А вы на Беринговой давно были?

Влада словно ткнули под дых, он как-то сморщился и осел на штурвале.

– Давно... – ответил глухо.

Лида спрашивала его о чём-то ещё, но он отвечал односложно, и Лидина энергия скоро выдохлась.

– Доигрались дружочки, – резюмировал Дугин. Не встретив ни единой души на верхнем бьефе, он озлился и тихо теперь тлел. – И ведь недавно встало, а разбежались, чёрт знает, когда. И никакой автоматике, никакой сигнализации, всё ручками...

Синицыны стояли рядом, подавленные махиной плотины. Огромное сооружение перегородило пролив; внизу темнел, тонко поблёскивая Эгейский канал. По бывшему ещё сорок лет назад морскому дну теперь гулял сухой ветер, вороша неприбранные обнажённые земли. Безлюдье пугало, грохот огромных масс воды по водосбросу оглушал.

– И что же, их теперь всех затопит? – испуганно спросила Лида.

Влад поглядел на неё изумлённо.

– Затопит? Ха! Надеюсь, они не такие болваны, чтобы водосброс не настроить. Да и что им сделается... Вот нам будет не очень – когда вода отступит на километр от берега. А у них-то тут давно никто не живёт по берегам. Как осушили, так народ даже и не подумал к воде перебираться. Чуть ли не дальше ещё отползли. А уж под плотиной и вовсе забоялись показываться.

– Но энергии-то теперь нам тоже не будет, я правильно понял? – спросил Анатолий.

Спросил спокойно, а в глазах засело что-то паническое.

Влад кинул на него яростный взгляд.

– За мной давайте. И поживее!

И чуть ли не бегом кинулся на берег, где приткнулся их экраноплан.

* * *

Назад летели на максимальной скорости. Аппарат подрагивал, дрожали и руки Дугина на штурвале.

Анатолий, растревоженный увиденным, довольно быстро успокоился и теперь вновь подрёмывал, раскинувшись на пассажирском сидении. Лида всех Дугинских беспокойств не оценила, но безлюдная огромная плотина сильно резанула её сознание, и теперь она хмурилась своему же смятению.

На берегу царило ватное безделье. Сырой и тёплый воздух накидывал дрему на обитателей домов отдыха и пансионатов. Граждане шатались бесцельно, наполняя многочисленные кафе и рестораны; в пространстве качалась ленивая музыка; густые запахи шашлыков прибивало к земле.

Дугин завёл экраноплан в элинг и, не прощаясь, побежал к подъёмнику.

– Чего это он? – зевнул Анатолий. – Как тебе эти Дарданеллы?

Лида молчала, она с тревогой посматривала наверх, где белые горы всё так же подпирали плоские понизу облака.

– По-моему, та же ботва, что и наши убогие громадины. Наворотили, раскурочили, ни красоты, ни пользы, одна пакость... – нудил Анатолий. – Может, поедим? Проголодался я чего-то.

– Но ведь Влад же сказал: что они не просчитали всё, а у нас вот по-другому делали, – не ответила на предложение Лида, повернув к мужу горящие глаза.

– По-другому не по-другому, а холод теперь этот дикий из-за этого «у нас вот», – насупился Анатолий.

– Из-за чего?!

Анатолий помялся, поморщился куда-то вдаль, а потом повернулся к жене:

– Ладно, Лидуш, чего мы будем спорить? Да ещё и на пустой желудок... Пойдём, – он потянул её ласково к ближайшему ресторану.

* * *

– И ты знал?! – кричал Дугин.

Кричал он на начальника спасслужбы, Игоря Комарова.

– Тихо, Владик, тихо, – успокаивал тот Влада. Седоватый, чуть постарше Дугина, он постоянно улыбался сквозь свои пушистые усы. – Чего ты разошёлся? Знал, и что? Я всё питание «трясух» перекинул на резерв основного.

Влад при этих словах замер, налился сквозь загар красным и шумно выдохнул гнев.

Штаб «спасов» находился чуть выше Поляны. И сейчас тут всё хлюпало и капало. Снег пропитался водой и валился с крыш и ёлок, с хрустом оседал на склонах.

– Я тебе удивляюсь, Игорёк, – сказал Влад уже спокойно. – Ведь мы учились, считай, в одно время... Скажи мне, как ты пропитался этим пофигизмом и тупизной? Как?

– Тпру, Влад! Осади коней, – закричал Игорь скрипучим смехом. – И скажи толком, чего стряслось-то, а? Сейчас осядет маленько, и завтра бахнем!

– Хрена ты бахнешь лысого! – Влад показал кукиш и устало приземлился на стул, запустив руку в буйную шевелюру. – Сегодня, по-хорошему, надо потряхнуть.

– Ну давай, сегодня, – согласился Комаров, чуть напрягшись. Слово Дугина в смысле лавин было неписанным законом, а уж когда врубить вибросклоны (Дугиным же и придуманные), лучше него никто и не знал.

Влад посмотрел на Игоря тоскливо.

– Так в том и дело, что чёрта с два у нас выйдет. Не хватит мощей резервных. Там с гулькин нос для нынешнего снега.

Игорь улыбаться перестал.

– С чего ты взял? Врубали ж вроде на резервах...

– Врубали, ты прав, – кивнул Дугин. – Лет десять назад. Когда снег только в декабре лёг, а максимум в феврале наверху всего в два метра был, и все перепугались. Вот тогда хватило мощи. А сейчас сколько у нас накопилось после последней тряски?

– Пять метров на середине горы... – растерянно ответил Комаров.

– Ну и вот.

– Так попробуем – может, хватит мощи-то, а?

Влад пожал плечами.

– Может и хватит. Но беда ещё и в том, что уловитель не сдюжит, скорее всего. На трясухи уйдёт энергия, а на уловитель уже фиг. И то, мы ж слабо тряханём, оно и поедет чёрт-те как...

Помолчали.

– Так подрубят ещё, может, энергию-то с Дарданелл? Бывало, отключали. На несколько дней даже...

– А сейчас? – усмехнулся Дугин.

– Неделя.

Дугин кивнул.

– Я был там сегодня, Игорёк. Там шаром покати, а через водосброс лупит так, что вся запруда и месяца не простоит. Ни души, бросили всё.

– И чего ж делать? – Комаров уселся напротив. Усы его обвисли, а сам он скукожился на стуле.

– Звони Горгадзе. Всех эвакуировать надо. И снизу тоже. Всё Гагринское побережье.

– Ого... – выдохнул Игорь.

– Ага, – Влад встал. – Давай, Игорёк, пошевеливаться надо. Если разорётся, мной прикройся.

И вышел наружу.

* * *

Директор в негодовании покраснел, потом побледнел. Потом успокоился – Дугина он немного опасался и рад был, что Комаров пришёл, а не сам Влад. Про клиентов просить не боялся, давил смело, знал, что Дугин не откажет. А когда дело касалось лавин, тут Горгадзе всегда хвост поджимал.

Людей отдыхало немного, в основном, с моря подтянулись, вроде Синицыных. «Да и чего уж борзеть-то, и так сезон шурует без перерыва, считай. А то вдруг и правда завалит...», – успокаивал себя директор, но всё равно настроение сделалось ни к чёрту. К тому же, если Дугин прав, то лавину разгрести – это столько сил... А если ещё она хрен знает как сойдёт? Он затряс головой, отгоняя неприятные мысли.

На подъёмник он шагнул последним. Правда, не видел он среди спускающихся Дугина, но указкой Владу и сам чёрт не был бы, и уж за кого, а за него беспокоиться не стоило.

Влад же взял лыжи и, прошлёпав вверх по хлябям своим ходом, спустился в избу на Рицу. Сюда лавина никакая не дошла бы. Это там, на вырубленных под трассы, на спрямлённых под подъёмники и гостиницы склонах вся опасность, а тут всё девственно, тут если и ухнет, то рассосётся по ущельям, разобьётся на клочки лесом и хребтами.

А ведь проектировали и там так же – максимально вписаться в природный ландшафт. Да и начали так строить...

а потом. Дугин в досаде махнул рукой, вспоминать, как прогибался под указку свыше, совсем не хотелось.

Когда поднимался-спускался, рыл шурфы по пути: снег плотными, сцепленными, огромной толщины слоями покоился на шершавом вроде бы ложе. Но такие огромные объёмы выходили за рамки теории. Вот и Влад теперь не рискнул бы сказать, как долго это всё провисит.

* * *

Пляж заполнился плотно и тесно. Смелычаки лезли в море, но большинство просто внимали яркому и почти жаркому солнцу, растелешившись в шезлонгах, на ковриках и различных подстилках.

– Красота, а? – шурился на солнце Анатолий. Он только что вылез из воды и слегка подрагивал, растираясь мохнатым полотенцем. – Только ещё два дня назад на лыжах катались, а сейчас прямо лето.

– Да уж, – Лида разнежилась в тепле, и разговаривать ей не хотелось. К тому же она знала, куда сейчас вильнёт разговор.

А мужу её не терпелось.

– И что твой Дугин? Пальцем в небо! – сказал он. – Ну, допустим, сейчас никто и не стал бы кататься... – тут он повернулся посмотреть на белые верхушки гор. – Хотя... внизу, конечно развезло, а по верхам-то можно. Короче, ладно,

не знаю там про лавины, это пусть Горгадзе с ним разбирается. Мне и тут сейчас хорошо, но если так-то, где обещанные морозы, а? – он злорадно покрутил ладонями. – Нету! Случайный фокус природный это был! Зато какое богатство красок – хочешь на лыжах, хочешь в море. А у Дугина одна песня. Тоска...

Лида нахмурилась. Вроде и прав был Анатолий, и солнце грело, действительно, как в былые годы, и намечающийся, казалось, вечный холод отступил, а почему-то не хотелось ей с ним соглашаться. Будто ненастоящее тепло лилось сейчас с неба. А может, просто ей не нравилось, что Анатолий цеплялся к Дугину?

– С Беринговой плотиной вроде так было бы всё время... – неуверенно возразила она.

– Пфф! – фыркнул Анатолий, раскладываясь в шезлонге. – Всю экосистему разрушили, тундры все пропали, животные исчезли... – он уверенно вытряхивал из головы крохи знаний из критических статей в околонуточных журналах. Привирая к и так не очень достоверным фактам. – А, ладно! Спорить ещё, что ли, будем... Кстати, море-то отступает – значит, потекла Дарданельская балалайка, – кивнул Анатолий на заметно отошедшую от старой кромки воду.

А народ это не смущало. Солнечная погода навесила на глаза шоры и уменьшила всякую тревожность.

– Влад так и говорил, – сказала Лида.

Анатолий махнул рукой, надел тёмные очки и закрыл гла-

за.

А Дугин сидел в своей избе, лишь изредка показываясь на улице. Он морщился на слепящее солнце, на с каждым часом всё больше темнеющий лёд на озере; прислушивался к звону капли и гроыхающим ручьям в ущельях. Всей мощью своей круговерти навалилась весна.

– Черта с два! – не верил он и замыкался в доме, ворочая метеосводки, чертежи Беринговой плотины, записи деда. Когда звонил Горгадзе, терпеливо слушал его нытьё и обязательно давал отлуп: «Никого на поляну не пущу!», и отрубал связь.

Но и на третий день всё так же палило солнце, снег оседал, стекая водой, и Влада заточило сомнение – а обязательно ли обваливаться разом снежной массой? А может, на таком солнце, сплочённая и слепленная, она и не съедет по намокшей подложке, а вот так вот стечёт талыми потоками?

И тут, как только перевалило за полдень, грохнуло.

Всё, что копилось долгие холодные месяцы, оторвалось, поехало, понеслось вниз, снося всё на своём пути. Кругом грохотало, как на войне; одна лавина цепляла другую, и все вместе рождали невероятных размеров катаклизм.

Ухнуло что-то и в Рицу – волна дзинькнула в окна избы, стоявшей выше воды метров на десять.

Земля дрожала, точно от землетрясения. Влад с нехорошим блеском в глазах стоял в дверном проёме и держался за косяк. Изба стонала, вздрагивала, но держалась.

* * *

Огромный грязно-белый язык съехал в воду, отступившую от берега метров на сто, прямо по центру Гагры. Слизав несколько гостиниц, центральную столовую, почтамп и станцию монорельса. Жертв не было – народ держали в Пицунде.

Синицыны видели лавину во всей её катастрофической красоте прямо с пляжа. Как и сотни других отдыхающих. Под испуганные крики и витиеватые матюки огромные массы снега, сшибаясь друг с другом, выехали к морю.

Народ запаниковал, кинулся в порт. В сторону Адлера в монорельсе теперь зияла дыра, а на восток никто и смотреть не хотел – горы там были ещё выше.

Но в порту пыхтел лишь чахлый и древний трамвайчик. Капитан от греха отвёл его подальше от берега, как только стало отступать море, и сейчас не приближался, дабы не создавать давки. Народ побушевал, но быстро притомившись, поплёлся назад, на берег.

К вечеру потянуло свежим ветерком, а небо выстлалось белыми перьями.

Дугин, как только всё отгромыхало, кинулся на лыжах наверх.

Снесло половину подъёмников, несколько корпусов «Московской», повалило деревья. Ландшафт кругом изменился до неузнаваемости. Дугин покачал головой, понимая,

что если чего и городить, то возводить почти всё заново. А внутри нарастало тёмное торжество. Совершенно подлое, ненужное торжество. Дугин давил на корню, но оно распирало и неудержимо рвалось наружу.

– Я тебя породил, я тебя и убью...

* * *

Редкие снежинки, криво порхая, падали на гальку. Они не таяли и постепенно убеляли опустевшие пляжи.

– Народ надо как-то вывозить, – сказал Дугин, пиная ботинком камешек.

– Вывозим потихоньку... На трамвайчике в Адлер, там поезд ходит пока, – уныло кивал Горгадзе.

Весь он был расхристан, всклокочен, глаза запали, лысина поблёлкла.

– Ну, поработает ещё. Наверное.

– Да... Говорят, в Ростове замело всё, уже и не расчистить, – дёрнул плечом директор. – Влад, может, останешься? – поднял он на Дугина покрасневшие глаза.

Тот покачал головой и похлопал Горгадзе по плечу. Потом махнул рукавицей и пошёл к экраноплану. Горгадзе с кислой улыбкой качнул квёлой рукой в ответ.

– Стойте!

Директор и Дугин обернулись. К набережной бежала Лидия Петровна. А за ней, неуклюже перебирая длинными но-

гами, спешил Анатолий.

* * *

Шагая по жёсткому насту и застругам, Влад подошёл к Плотине.

Заснеженная громадина угадывалась под торосами, вечными льдами и переметённым снегом. Воздух звенел от мороза и солнца; полярный день горел стылым огнём.

– Всё время теперь тут, что ли, штиль? – удивился Дугин, вдыхая ядрёный в своей прозрачности воздух.

Сзади заскрипело. Укутанная в толстенный комбинезон, в меховой шапке и унтах, из «Смерча» вылезла Лида. Глаза её сверкали, на лице дрожала робкая улыбка. Следом за ней плёлся вялый Анатолий.

– Жалеешь, Толик? – усмехнулся Дугин.

Анатолий вздрогнул от его голоса, дёрнулся всем телом и, зацепившись за ледяную корку, неуклюже повалился в снег.

– Вот чёрт... – пробурчал он в отчаянии, стоя на четвереньках.

Лида кинулась его поднимать.

– Влад, а вы точно сможете? – спросила она Дугина, помогая мужу.

– Ну... Я хотя бы попытаюсь, – Дугин оттопырил губу вроде бы в нерешительности. – Слышите, как пахнет? – он с шумом вдохнул мороз.

Синицыны, отряхиваясь, послушно втянули ноздрями воздух.

– И чем же? – просипел Анатолий.

– Весной... – сказал Дугин и пошёл дальше.

И Синицыны, поддерживая друг друга, стали спускаться за ним к замёрзшему океану.

Бюджетное долголетие

Сергей Коннов

Модуль сдох в субботу вечером. Однако, узнал я об этом лишь в воскресенье, часа через три после завтрака. Ощущение тяжести в желудке сменилось болью, сперва тупой и нудной, затем – острой, перехватывающей дыхание. Не вру, прихватило так, что дышал с трудом. Можете назвать меня дураком, но я никогда не перепрошивал модули. И уж точно не лез в настройки «нервов». К настоящим нервам система оповещения лишь подключается, но так уж её прозвали – «нервы».

Мысленно бранясь, я дошел до дивана, улегся и запустил на комме «Все мои детальки». Можно было и с компа зайти, но сейчас хотелось свернуться в позе эмбриона в надежде облегчить боль. Что я и сделал.

Когда терминал пропинговал все железо, работавшее в моей тушке, я начал с того, что отключил оповещения. Боль отпустила. Осталось лишь её слабое эхо. Ему потребовалось еще пару мгновений, чтобы погаснуть.

Я вздохнул полной грудью и с наслаждением выпустил воздух из легких. Потом еще раз. Лишь затем я обратился к результатам быстрой диагностики.

Желчный модуль не отвечал. Я перезапустил его, и тот

откликнулся на запрос. Статус – аварийный. Если я сейчас включу оповещения, меня снова скрутит от боли. Мне такого не надо, я и так в курсе, что в брюхе не порядок.

Да. Просто отлично. Похоже, путь мне лежал в сервис. Только быстренько. Большая часть воскресенья ещё впереди, надо успеть. Завтра мне на работу. Да, в мои годы я работал. Откровенно говоря, потому что мне повезло. Попал в свое время на казенный завод. У частных бывает и лучше платят и даже всякие доп-опции интересные попадают. Однако, возрастные там не нужны. Не по причине слабого здоровья, как можно подумать. Дело в другом.

С годами человек набирается опыта. Если он, не пенёк с глазами, конечно. Опыт приходит не один, а приводит с собой уверенность в себе, способность составить свое мнение и отстаивать его, иногда, и инициативность. А такое работодатель не заказывал. Опытным человеком уже сложно управлять. Точнее, руководить им легко, а вот манипулировать получается плохо.

Я вспомнил рассказы друзей, работавших в частных конторах. Только одному повезло с шефом. Тот склотил команду. У остальных начальники таким не заморачивались. Работник слишком много думает? Позволяет себе наглость высказывать свое мнение? Уволить. Принять нового.

А так, я – государев человек, можно жить не на одних макаронах. Работай и работай.

Но в моем положении, в целом – завидном, есть и нюансы.

Больничные у нас оплачивали только в части, касающейся организма. Если что с имплантатом, то это твои проблемы. Подход как с микроволновкой. Чини в свободное от работы время. Хорошо, что сегодня не будний день. Брать «за свой счет» мне не улыбалось совершенно. Так что, надо решить вопрос до понедельника.

Снова вздохнув, на этот раз тяжело, я сменил позу на сидячую. Придется лечиться. Ничего не попишешь. Я запустил «Медуслуги». Я все еще работал с комма. Можете назвать это ленностью, но, в конце концов, зачем существуют коммодули, как не для связи откуда угодно?

Я начал листать каталог услуг. Лишь два пункта были помечены как доступные бесплатно и без ожидания. «Гомеопат» и «Уринотерапевт». Я не удержался и иронически хмыкнул. Первый все равно пропишет такое, что в пору объявлять банкротство, второго же мало кто жалует. Хотя приложение мигнуло, обновляя страницу, и «Уринотерапевт» покраснел. Ведет прием. Стало быть, кто-то все же решил прибегнуть. Что ж, удачи ему. И здоровья. Лечиться такими методами здоровья надо много. Такое мое имхо.

Я ткнул в строчку «Имплантех», чтобы узнать загрузку врача.

– Ваш номер в очереди – семнадцатый! – не обрадовало меня приложение. – Вероятное время ожидания составляет один час двадцать две минуты!

Кто бы сомневался. Не люблю роботов, но придется вос-

пользоваться. Я перешел на вкладку «ИИ-консультанты».

На самом деле о ИИ им, как до Проксимы Центавра пешком. Обычные роботы. И хоть стараюсь иметь дело с живыми специалистами, но сейчас выбор несложен. Или задонатить, чтобы продвинуться в начало очереди, или они, «ИИ». Просто взять и дождаться приема у врача-человека не реально. Уйдет часов шесть. Из-за донаторов, разумеется.

– Ваш номер в очереди – третий! – отозвался комм. – Вероятное время ожидания составляет девять минут!

Это уже по-божески. Правда, прошло почти четверть часа, прежде чем меня соединили.

На экране возникла девушка как раз того типа, что нравятся мне. Ага, гаджеты за нами не следят и не сливают инфу куда попало. Рассказывайте дальше, уже почти верю.

Медичка дружелюбно улыбнулась с дисплея. Не широко, по-американски в плохом смысле этого слова, когда лыбятся в тридцать два белых зуба с пустыми глазами. Улыбка была мягкой, чуть усталой, будто она сегодня уже кучу человек приняла, но держится. От живого врача не отличить. Впрочем, кучу-то она как раз приняла, просто устать у неё не получится.

– Здравствуйте! – начала она прием стандартно. – На что жалуетесь?

– Диагностика показала выход из строя желчного модуля, – ответил я.

– Что Вы при этом почувствовали? – уточнила медичка.

Вот так. Данным самостоятельной диагностики верить лишь отчасти. Особенно, роботы. Так что мой порыв сразу перейти к сути проблемы пропадет втуне. Но я так поступил чисто автоматически, на рефлексах.

Как всякий нормальный ИТР, я попытался облечь свою жалобу в конкретный вид, с указанием выявленных неисправностей и методов обнаружения таковых. При ремонте техники такой подход немало помогает. При общении с медиками – раз на раз не приходится. Роботы чаще обучены общаться с малограмотным населением, жалобы которого будут звучать как: «Что-то мне хреново». Ну, или: «Я вся больная!» На общение с нашим братом роботы перестраиваются не мгновенно, а после обмена несколькими фразами.

«ИТР», если кто не знает, это инженерно-технический работник. Образование четвертой ступени, да еще техническое. Это сказывается. А у большинства населения – вторая. Причем, с разной успешностью. Вот так и выглядит интеллектуальное расслоение. Однако, от зазнайства я далек. У меня вот с языком не очень. Сплошная канцелярщина. Да вы заметили уже. Что тут сделаешь, если год за годом каждый день человек пишет технические задания, описания и прочую лабуду. Это во-первых. А во-вторых, есть лилипуты покрупнее меня. В том смысле, что всего ступеней образования восемь. Оттого, встречаются люди, супротив которых, я все равно, что плотник супротив столяра.

– Я почувствовал жгучую боль примерно здесь, – ответил

я, показывая рукой на себе. – Сильная боль. Даже дышать было тяжело. Вырубил оповещения и провел диагностику. Показало отказ модуля.

– Очень хорошо, что Вы не отключили сигнализацию! – заявила медичка с одобрением. – Это позволила избежать самых тяжких последствий! У Вас какой желудок?

– Синтетика.

– Значит, вы могли его загубить, и потребовался бы ремонт. А дешевых ремонтов желудка не бывает. А если бы желудок был родной, то пришлось бы ставить синтетический после такого. А бывают и смертельные случаи, когда постепенно стенку желудка разъедает насквозь.

А то я не знаю. Я же не отключаю оповещения не от лени или тайной склонности к мазохизму. Насмотрелся, к чему приводит игнорирование систем безопасности. Только не в имплантатах, а на производстве и всяких промобъектах. Я бы рассказал пару историй, в которых не знаешь, смеяться над глупостью или плакать над последствиями, да сейчас не об этом.

– Что вы ели накануне, – продолжала тем временем опрос робомедичка.

– Жирное, – ответил я мрачно и уточнил: – Плов.

Да, в субботу я шикавал. Это вообще моё хобби – готовить. Вчера еще случился достойный повод. Так что, я гулял. Правду сказать, из настоящих продуктов в плове была лишь морковка, не настолько я шикарно живу, чтобы гото-

вить исключительно натуральное. Однако, получилось очень достойно. Я один раз пробовал плов из всего природного, так мой был неотличим. И по вкусу, и по консистенциям, и по жирности. Я так понимаю, это здорово как раз и перегрузило модуль. Да еще плюсом пошла горячая ванна вместо обычного тепленького душа. Побаловал себя, ничего не скажешь, а тепловая нагрузка имплант и добила, есть у меня такая версия.

– Скорее всего, вы переутомили свой модуль! – подтвердила мои мысли ИИ-консультант, продолжая разговаривать со мной как малограмотным. – Имплантаты, хоть и гораздо надежнее природных органов, все же требуют бережного к ним отношения.

Ага, ага. «Надежнее». Я даже фыркнул. Органы на самом деле пока дают фору в этом плане любым имплантам, если брать не заоблачно дорогие. Но у модулей есть свои преимущества. Так при холецистите, примерном аналоге моей нынешней неприятности, боль не выключишь кнопкой в мобильном приложении. А она просто зверская. Я даже стал лучше понимать дона Сатарину, который под действием приступов холецистита издавал такие приказы, что божедомы не успевали вывозить трупы из его темниц.

Болевой сигнал сделан полностью аналогичным для облегчения диагностики. Да и зачем выдумывать что-то принципиально новое, когда эволюция столь многое уже протестировала и отработала. Так мне тоже хотелось как тому са-

мому дону, кого-нибудь убить в надежде, что чутка отпустит. Но у меня был легкий выход – кнопка «Откл. оповещения» в приложении, а вот будь желчный пузырь природным... Это надо было или обезболивающих принять до полного изумления организма, или, снова здорова, модуль в нервную систему.

А еще ремонт имплантов попроще будет. Подешевле, если уж говорить прямо. Регулярную замену органов я бы не потянул финансово, а с модулями хожу восьмой десяток, и чтоб вы так жили.

– Возможен ли ремонт? – коротко спросил я о главном для себя.

– Увы, остаточный ресурс модуля таков, что ремонт будет стоить почти как покупка нового, – ответила медичка, перейдя наконец на мой стиль лексики.

Ответ не порадовал, но особо и не удивил. Через три года я планировал имплант менять на новый. Так что сложности ожидаемые.

– Вам рекомендована замена модуля, – оповестила медичка. – Записать Вас в муниципальный сервис?

– Да.

– Вы записаны на двадцать второе октября! – улыбнулась она. – Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо, – буркнул я.

– Благодарим Вас за обращение! Желаем здоровья!

Прием закончился. Конец октября. Неплохо. Особенно,

учитывая, что еще начало апреля. Придется, обращаться в платный. Запись аннулировать всегда успею. Сейчас надо позаботиться о главном – найти замену.

Желчный модуль – далеко не самая дорогая железка, из моих имплантатов. Однако, денег-то нет и на неё. Я ведь не просто так вчера кутил. Я обмывал новую покупку – шикарный унитаз. И если кто хотел начать смеяться – умерьте пыл. Да будет вам известно, что в наш просвещенный век, один из главных бичей человечества, это раковые заболевания. Их уже неплохо лечат, вопрос опять же в цене. Лечение на ранних стадиях стоит даже не в разы – на порядки дешевле. Стало быть, надо рак обнаруживать на ранних стадиях. Тут проще всего анализировать продукты жизнедеятельности. За этим-то я и купил унитаз, у которого есть такие функция. Да, модель не новейшая, скорее наоборот, её сняли с производства в этом году. Потому я её и выбрал. В ходе серийного выпуска техника избавляется от детских болезней, набирает статистику отказов. К тому же, на морально устаревшие товары неплохие скидки.

Покупка унитаза – отнюдь не дурь, а важный шаг в моем деле, в сохранении своей жизни. Очень уж не хочется мне на тот свет. Тем более, что уже есть все возможности не умирать вовсе. А там, глядишь, доживу до межзвездных перелетов. Всегда хотелось увидеть...

Так вернемся к нашим модулям. Я полез на сайты официальных представителей и начал выбирать. Точнее, я попы-

тался присмотреть какую-нибудь железку, которую не стыдно в себя запихать и оставить регулировать подачу желчи. Денег не было ни на что толковое, а покупать всякие левые аналоги – всё равно что играть в рулетку. Может сдохнет через неделю, а гарантии нет. Как тогда поступлю?

Я встал с дивана и начал в задумчивости измерять квартиру шагами. Два туда, столько же обратно. Позвонить Китайцу? Вариант, это может быть вариант.

Китаец занимался человеческими расходниками, как мы порой шутили. Был мелким перекупщиком. Брал у официалов небольшими партиями и сбывал по знакомым или по магазинчикам, таким же мелким. И вообще был он никакой не китаец, а Леха. Просто в молодости взял в одной сетевой игрушке, уже и не упомню в что за игра, никнейм, оказавшийся созвучным некоей китайской фразе. Сам Леха языками не владел и узнал о таком казусе, только когда все начали называть его китайцем. Первое время он недоумевал, потом злился, затем принял судьбу. Однако, все же прозвище это недолюбливал.

Я послал ему вызов.

– Але, – послышалось с того конца канала связи.

– Леха, здарова! – начал я. – Не отвлек? Удобно говорить?

Такая у меня привычка. Даже зависимость скорее. Не могу не представиться и не спросить об удобстве собеседника. Давно уже все это ненужно. В те времена, когда я получал воспитание, были в моде антиопределители номера, зато

комм-ассистенты наоборот еще в обиход не вошли. В жизни я много раз переучивался, подавлял старые навыки или развивал новые, но на манеру начинать беседу у меня так и не поднялась рука.

– Привет-привет! – отозвался Китаец. – Все норм. Как сам?

– Более-менее, – уклончиво ответил я. – Я собсна по делу.

– Давай.

– Нужен желчь-модуль.

– Кому?

– Мне нужен, поэтому хотелось бы дешевый, но нормальный.

– «Дешевый» – это сколько.

– Семьсот, больше не наберу.

Было слышно как Леха крикнул.

– Ну, братан, – протянул он. – За такие деньги... Может, подзанять и...

– Уже, – вставил я. – Уже подзанял.

– А что случилось?

– Модуль навернулся. Надо сегодня новый найти.

– Новый нереально. Поищи на разборе.

– Расходный модуль на разборе?

– А что, я для почек там и беру.

– А еще я помню, как ты их моешь. И сколько они ходят после этого.

Леха засопел в трубку. Обиделся, наверное. Берет он

бэушные модули на продажу чуть не на вес, одни моет, другие регенерирует. Возни на неделю минимум, да и потом лотерея знатная. Попадется модуль, попользованный гурманом вроде меня, или, того хуже, после алкаша, так проживет недели две, а потом помрет окончательно. А может и пару лет отходить. Чистая лотерея.

– Ты же знаешь цены, – наконец произнес Китаец. – Нормальный модуль в опте стоит тыщи три, да и заказ нужен от ста штук, а тебе сколько надо, один?

– Да понимаю я, – хмуро ответил я. – Ладно, полезу на разбор. Бывай.

– Ага, и ты. Отзвонись потом.

Я нажал «Отбой». Дела. Делишки. Что ж делать? Я снова побегал по комнате, минуты две, не больше. Потом полез на сайты разборов. Были в наличии самые разные импланты. Авторы некоторых объявлений о продаже оказались не лишены таланта, поэтому их тексты смотрелись просто сногсшибательно. Чего только стоит: «Отличный модуль для разовой вечеринки! Напейся и выбрось! Не жалко!» Я бы с удовольствием почитал такие объявления на досуге, но время поджимало. А их «не жалко» было моим верхним финансовым пределом. В следующий раз я смогу набрать семь сотен через пару лет. Ну, или распродавать вещи за бесценку. Перспектива не стимулировала чувство юмора. Если я сейчас упаду, подняться назад будет практически невозможно.

По углам дисплея мигали рекламы всяких гомеопатов

и экстрасенсов. Я скрипнул зубами. Секунду спустя я выдохнул: «Блин!» Это я вспомнил кое-что из области истории. Смолоду любил историю, отдавая предпочтение военной и истории техники, но и из истории медицины знал всякое.

– «Имплантех», ИИ-консультант, запись! – рявкнул я ассистенту. – Быстро!

– Ваш номер в очереди – второй! – отозвался комм. – Вероятное время ожидания составляет семь минут!

Я не полез по форумам пока ждал. Решил проконсультроваться и все сразу узнать. Поиск в сети все равно займет больше времени. Инфы там куча, но отделять зерна от плевел – задача титаническая. На дисплее появилась медичка, чуть-чуть другая, но тоже симпатичная мне до крайности.

– Здравствуйте! – поприветствовала она. – На что жалуетесь?

– Нужна консультация по моему сегодняшнему обращению, – перешел я сразу к сути.

Медичка сделала вид, будто что-то вспоминает.

– Помню, – улыбнулась она. – Желчный модуль. Что Вам подсказать?

– Существуют ли диеты, которые могут помочь?

– Диеты? – робоконсультант выглядела удивленной. Отлично их обучают. Затем она продолжила: – В настоящее время замена импланта считается наиболее надежным способом устранения неполадки. Однако, аварийный модуль

может работать довольно длительный срок, если носитель придерживается режима питания. Существует диета для желчнокаменной болезни, она будет действенна и при частичном выходе из строя модуля.

– Он восстановится?

– Очень ограничено, – строго наставила на меня палец медичка. – До замены модуля Вам следует воздержаться от приема алкоголя и всего, что не входит в диетический стол! Последствием нарушения может стать выход из строя желудка!

Да уж, это очень серьезно. Ремонт желудка мне не потянуть при любом раскладе. Его отказ для меня равнялся билету до эвтацентра. А это, знаете ли, сильно дисциплинирует. Не дает расслабляться, если хотите.

В этом я и вижу секрет своего долголетия. С того дня прошло почти сто пятьдесят лет. Вы говорите, сейчас я самый старый человек по официальным данным. Что ж, допускаю. Полвека назад прошла прямо таки эпидемия самоубийств долгожителей. Люди теряют стимулы жить, пресыщаются жизнью. Да, я понимаю, как пафосно это звучит. Однако, у меня-то никогда не было мысли о самоубийстве. Все время голова занята чем-то другим. Опять же – до межзвездных путешествий я пока так и не дожил, да.

А желч-модуль я поменял через пять лет. Вот только с диетой к тому времени до того свыкся, что придерживаюсь её сейчас. Иные привычки так тяжело бросать...

Весёлого Рождества, доктор Дулитл! Елена Черепнина

Раннее морозное утро в желтоватом свете фонарей. Под ногами скрипел выпавший ночью снег. И даже паромобилей и парошагов – этих грохочущих монстров современности было мало. Воздух чист и приятен. Стаи ворон и галок словно вмёрзли в кроны деревьев. Дворники деловито управляли снегокомбайнами. Город постепенно оживал, оглашаясь звоном колоколов и кряканьем клаксонов. Спешили спозаранку на рынок кухарки, бежали служащие, работники контор и магазинов. Пыхтели моторами невидимые в сером расветном небе цеппелины.

Молодой господин в бобровой шапке и в пальто из чернобурки неспешно шёл к парадному подъезду университета. Выдохнув седую струйку пара, дверь отъехала в сторону, пропуская его внутрь. Механический гардеробщик, поблёскивая хромированной головой, принял одежду и, моргая камерами-глазами резво вернулся с номерком. Его алюминиевое тело изогнулось в приветственном поклоне. И человек в безупречном чёрном костюме-тройке отправился дальше.

На пару минут он задержался у зеркальной колонны. Поправил маленькой расчёской и так безупречно лежащие

слегка волнистые русые волосы. Оправил манжеты. Оглядел весь свой вид – преподаватель должен быть безупречен. Слегка прищурившись, заглянул в свои карие глаза, подбадривая, и даря улыбку тонким губам. Нет, конечно, ему не хватало властности в правильных чертах лица, которые унаследовал его старший брат от отца. Но, разве это главное? Важно совсем иное. Ему не стать преемником лорда. Но он может заниматься своим любимым делом, а всё остальное приложится.

До первой лекции, которую ему предстояло читать, оставалось ещё более двух часов. Настроение от прогулки было бодрым и деловым. Следовало потратить свободное время с пользой. Он уже мысленно прикидывал, какой режим облучения выберет для оживления препарированной вчера крысы, как вдруг...

– Доброе утро, доктор Дулитл! – раздался звонкий девичий голос.

Господина передёрнуло, выбивая из головы все мысли. А настроение стремительно полетело в пропасть. «О, Боже! Ну, за что ты так меня наказываешь? – мысленно возопил он. – Неужели за то, что я лишь пытаюсь приблизиться к твоему всемогущему знанию?»

– Доброе утро, Мари, – сухо ответил он, оборачиваясь. Лёгкая картавость истого англичанина, однако, не лишила мягкий баритон строгой холодности, но вызвала лёгкую улыбку на губах студентки.

– Как хорошо, что я вас встретила! – радостно сообщила она. Синие, как летнее небо, глаза искрились от лукавства. Этого не скрывали даже огромные очки-окуляры, сдвинутые небрежно на лоб, которые она, явно не успела снять, так спешила! – и взгляд таился в их тени. Шляпка-шлем съехала на бок. Кожаная накидка была расстёгнута, выпустив наружу рыжий лисий мех. – У нас первая пара – лабораторная работа по воздействию тока на живые ткани. А я, ну абсолютно, ничего не понимаю! – врёт и не краснеет. Для него давно уже не секрет, что Мари лучшая по успеваемости на курсе биомеханической технологии. Он уже собрался с духом резко осадить её порыв, как услышал весьма увесистый довод. – А папа всегда говорит, что вы обязательно мне поможет! Вы же у нас – душа! Такой умный и знающий! Никогда не оставите в беде ближнего.

Да. Её «папа» отказать нельзя. Он у неё друг ректора, знакомый градоначальника и глава сыскного подразделения жандармерии. Угораздило же оказаться в таком соседстве и быть назначенным куратором группы студентов, в которой состоит эта вздорная девица! И, всё же не стоило давать ей повод думать, что это что-то значит для него.

– Разве только в виде исключения, – ледяным тоном ответил Джордж Гордон Дулитл, окинув её с ног до головы. И куда только катится этот мир! Женщины в кожаных куртках и штанах, в коротких юбках! А каблучищи у ботов на такой толстенной подошве, что удивительно, как только вооб-

ще может передвигать ноги! И всё украшено несчётным количеством медных заклёпок и всяких финтифлюшек – весом с пуд не меньше. Нет, такие особы не могли ему нравиться! Но прелестные ямочки на розовых от мороза щёчках, так же, не могли не задержать лишь на мгновение, но задержать его взгляд! И он внезапно смирился. – Только переоденьтесь в подобающую одежду и спускайтесь в мою лабораторию. У меня назначена группа опытов, которые я отменить не могу. Но всё же, постараюсь выделить вам несколько минут...

Лицо студентки вытянулось, как будто она старалась прожевать лимон – совершенно не на такую реакцию она надеялась. А он с гордым видом прошагал вниз по лестнице в подвал. Уже за спиной услышал, как его «кошмарный сон» топнул ножкой, сердито фыркнул и процокал в сторону гардеробной. И только тогда, позволил себе немного расслабиться и улыбнуться. Так-то, госпожа феминистка, не все, кого касается ваш, заинтересованный взгляд, готовы нестись за вами, очертя голову!

Вообще было чудовищным – это пересечение судеб его, самого молодого доктора естествознания Британской академии наук, аристократа по происхождению и консерватора до мозга костей, и русской дворянки из новых выходцев купцов первой гильдии – титул, полученный её отцом за заслуги перед Империей. Отсюда, видимо, и такой напор, свойственный низшему сословию! Чем-то её поведение напоминало

ему плохо воспитанных американок. Его всегда нервировало их наглое желание доказать всему миру, что женщины ни в чём не уступают мужчинам. В уме и образованности, пожалуй – да. Но ему претил сам вид слабой половины человечества с кувалдой или пушкой в руках!

Он оказался в России только потому, что именно Императорский Московский университет предложил самые выгодные условия для его исследовательской деятельности и самую щедрую оплату его услуг, не сильно напрягая занятиями со студентами. Мать, конечно, была в шоке от такого решения. Но отец, со свойственным ему хладнокровием, одобрил поступок младшего отпрыска: «Россия наш союзник по коалиции. Наша принцесса супруга Императора Михаила. Твоя бабушка Елизавета – русская. И эта страна должна быть благодарна за оказанную ей честь – принять тебя, сынок!» И вот он здесь, вполне доволен всем был бы, если бы не эта... Мария Ивановна Строгина. Очень уж сильно отвлекала она его от дел, всё время, вторгаясь и ломая планы.

– Ничего, ничего, – пробормотал он себе под нос, – наука – это главное! А вздорной девице осталось учиться всего полтора года, потерплю.

И всё-таки она его нервировала. Переодевшись в лабораторный белый халат, он убрал пиджак в шкаф. Надо бы от неё побыстрее отделаться, но студентка отчего-то задерживалась. Уже воспряв духом от того, что вероятно девушка обиделась и совсем не появится, занялся постановкой опы-

та. Сделав необходимые записи в журнале, отправился в кладовую. Там он достал из ледника почившую накануне крысу – очередную жертву науки. Внеся его в лабораторный зал, установил лоток на длинный, уставленный разнообразными приборами, стол. Подосадовав на временное отсутствие своего помощника, стал подстраивать штатив с закреплённым на нём излучателем под размеры образца.

Щёлкнул тумблером на стене, запуская установку. Надсадно в углу зала загудел электромотор. Отчего-то заискрились провода, подающие энергию на основной прибор, но Джордж, бросив на них досадливый взгляд, не стал перепроверять контакты. Они слишком часто искрили, чтобы это имело хоть какое-то значение. А ещё что-то надсадно подвывало за спиной. Привычные звуки, от которых он, как обычно, отмахнулся. Что поделаешь – он в «варварской» России. Конечно, здесь не бродят по улицам медведи. Но нет европейского педантизма и аккуратности. Всегда что-то недоделано, недокручено, недожато. Тем более – помощник по возвращении обещался всё исправить. Но ожидать конца его отпуска было невозможно – слишком долго.

Из сопла излучателя вырвался насыщенно малиновый расширяющийся конусообразный луч. От несчастного тельца крысы повалил пар, запахло палёной шерстью. Учёный нахмурился и стал перенастраивать аппарат, поглядывая, как меняется цвет потока, уходя в более холодные тона. Провода над его головой дымились, а прибор издавал против-

ный, похожий на комариный, писк. И всё это было не важно! Ибо, как только цвет луча приобрёл зеленоватый оттенок, по трупику пробежала лёгкая, едва заметная дрожь, ознаменовав возбуждение мышечной деятельности. И ничто кроме показаний приборов, которые он автоматически отмечал в журнале, не могло отвлечь мужчину от эксперимента! Ничто – кроме истошного крика:

– Доктор Дулитл! Помогите! Скорее!!! – донеслось до него из-за двери.

– Вот, чёрт! – прошипел мужчина, но не откликнуться на истеричный вопль не мог – всё же, он джентльмен. Бегом ринулся на выручку.

– Как хорошо, что вы так быстро! – воскликнула Мария, когда Джордж влетел в лаборантскую и изумлённо застыл в негодовании. – Вот зацепились и никак не отцепляются, – она раздражённо дёргала застёжку огромного мужского, по размерам и форме, хронометра на запястье.

Доктор Дулитл сначала покраснел от возмущения, потом побелел от гнева. Его губы нервно задёргались, стараясь сдержать все те слова, что он желал высказать по этому поводу, но не мог в силу своего воспитания, произнести перед женщиной, кто бы она, ни была. Нет – это невозможно! – но она довела его до припадка. Никому и никогда ещё не удалось вывести его из себя!

Он был спокоен и хладнокровно добродушен, даже когда четыре часа читал лекцию арестованным на стихийном ми-

тинге активистам луддистского движения, о пользе новейших изобретений, о необходимости самосовершенствоваться, а не верить на слово политическим проходимцам, призывающим крушить оборудование. Уверив их, что временные трудности – ничто, по сравнению с тем, какие блага принесёт технический прогресс, созидателями которого они будут. А после, ещё столько же времени отвечал на вопросы почти всегда откровенно наивные и глупые!

В камеру предварительного заключения вместе с сотней обзлѐнных рабочих, он попал совершенно случайно, решив сократить путь до дома и смешавшись с толпой на площади. Налетевшие казаки на своих мехоходах нагайками сгоняли в кучу всех без разбора. А жандармы по горячке приняли его за активиста и организатора. Его не просто выпустили к утру, не только извинились, но и поблагодарили за усмирение арестантов и познавательную лекцию. Да, его слушать собрались даже следователи и охранники, что и позволило быстро сообщить господину Строгину о его местонахождении.

Шумно выдохнув, словно вынырнув из-под воды, он сделал несколько быстрых шагов к Мари и, пусть и не без труда, смог взять себя в руки. Но намерение всё же, сказать несколько слов в назидание, прервал грохот взрыва, раздавшийся в лаборатории. Ядовито запахло горячей обмоткой и парами реактивов. И в отчаянии всплеснув руками, Джордж бросился в клубы белёсой пыли и дыма, заполнив-

шие зал для исследований.

Что-то ещё дымилось, тлея. В резко наступившей тишине слышно было, как где-то осыпается стекло, со звоном капли падая на кафельный пол. Всё погрузилось в полумрак, потому, что освещение отключилось, а на улице ещё как следует, не рассвело. Застыв посередине, он оглядывал свою, как он считал, разгромленную лабораторию, загубленные исследования и в душе поднималась неудержимая чёрная волна.

Звякнула створка распахиваемой фрамуги. Резкий порыв ледяного ветра пронзил его до костей, унося с собой тошнотворные клубы дыма и осаживая известковую взвесь. Это госпожа Мария, не только вторглась в его «разрушенную крепость», но уже перетаскивала стремянку от одного окна к следующему. Довершив задуманное, она потрудилась объяснить свои действия.

– Вентиляторы принудительной вытяжки сейчас не включатся потому, что пробки перегорели, – скоро говорила она, спускаясь вниз, – а газы, которые выделяются при горении, вредны для здоровья...

– Вы! – спокойно, но очень зло, процедил сквозь зубы доктор, – Вы – это вы виноваты! Если бы не вы...

– Я? Я?! – вознегодовала она, уперев руки в бока. – Да как вы можете так говорить, доктор Дулитл! У вас практически над головой взорвались конденсаторы, а я виновата? – Казалось, что она сейчас сама взорвётся. – Это вашего помощника надо гнать в три шеи за безалаберность и разгиль-

дьяство! Вам ещё крупно повезло, что сейчас живы и здоровы... да ну, вас! Самовлюблённый индюк!! – Девушка, красная от возмущения, выскочила вон, опустив голову и сдирая с себя на ходу измазанный в саже и реактивах халат.

Полученный отпор сразу охладил учёную голову, заставив мыслить логически. Взглянув на место, где недавно стоял, Джордж невольно вздрогнул. Панель приборов, с которой списывал показания, была расколота вдребезги. А находилась она как раз напротив его лица во время работы. И из неё теперь торчала какая-то острая железяка, вонзившаяся глубоко в панель, не хуже клинка. Он чудом избежал смерти. Задержись всего на минуту... Стало жутко стыдно за свои обвинения. Но бежать следом за спасительницей с извинениями, он заставить себя не мог.

Даже часом позже, на лекции, доктор Дулитл был настолько зол на самого себя, отчего даже аудитория, казалось, заледенела, под его непривычно сердитым взглядом. Слова вылетали как пули. Фразы были рублено короткими. И никто из студентов не понимал в чём причина. Все, конечно, слышали уже о взрыве в лаборатории, но разного рода неполадки случались и ранее, только на поведении преподавателя – это никак не сказывалось. Он всегда был приветлив и доброжелателен.

– Итак, мы выяснили, что в мышечных тканях импульсы передаются, наподобие, электрических разрядов, – сухо вещал он с кафедры. – Что это за энергия я озвучу чуть поз-

же. – Преподаватель развернулся к доске и стал мелом выписывать замысловатую конструкцию из букв и цифр. – А сейчас будьте добры записать формулу, по которой можно вычислить количество электроэнергии, которая понадобится для возмущения этого импульса...

Каждый раз, оборачиваясь к слушателям и оглядывая студентов, Джордж ожидал встречи, как всегда, с восхищённым синим взглядом. Но Мари, ни разу так и не посмотрела на него. Он либо созерцал её макушку с выбившимися из косы завитками каштановых кудряшек, когда она склонялась над конспектами, либо профиль, когда она смотрела в окно. И надо бы радоваться, что от него отстали, а он мучился от укоров совести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.